

ЛУЧШИЙ ИЗ АВТОРОВ СОВРЕМЕННЫХ ТРИЛЛЕРОВ.

ROCKY MOUNTAIN NEWS

СТИЛВЕН ХАДНТТЕР

ИГРА С НАЙПЕРОВ

ОН СНОВА
НА ВЕРШИНЕ
СВОЕЙ ИГРЫ.

PUBLISHERS
WEEKLY

Боб Ли Свэггер

Стивен Хантер

Игра снайперов

«Азбука-Аттикус»

2019

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Сое)-44

Хантер С.

Игра снайперов / С. Хантер — «Азбука-Аттикус», 2019 — (Боб Ли Свэггер)

ISBN 978-5-389-20992-3

Знаменитому снайперу Бобу Ли Свэггеру уже за семьдесят, у него свой бизнес, но обстоятельства не позволяют ему забыть о прошлом. Мать морского пехотинца, который погиб в Ираке, просит Свэггера отомстить за сына, застреленного арабским снайпером. Боб сначала отказывается, а затем входит в контакт со знакомыми агентами из «Моссада», и вместе им удается выяснить, что арабский стрелок планирует теракт на территории США — убийство некой чрезвычайно высокопоставленной особы. Американские спецслужбы начинают поиски террориста, но безуспешно. Впрочем, Свэггеру и его друзьям в последний момент все же удается установить, кто именно выбран жертвой, и вычислить местоположение снайпера... Последний на сегодняшний день роман о Бобе Ли Свэггере, Бобе Снайпере, как его прозвали когда-то за точный глаз и уникальное умение владеть оружием. Впервые на русском!

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-389-20992-3

© Хантер С., 2019
© Азбука-Аттикус, 2019

Содержание

Часть первая	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	17
Глава 4	19
Глава 5	24
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	31
Глава 9	36
Глава 10	38
Глава 11	44
Глава 12	45
Глава 13	49
Глава 14	51
Часть вторая	53
Глава 15	53
Конец ознакомительного фрагмента.	56

Стивен Хантер Игра Снайперов

Stephen Hunter

Game of Snipers

Copyright © 2019 by Stephen Hunter

© А. С. Полошак, перевод, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2022

Издательство АЗБУКА®

*Посвящается Трейси Миллер и другим матерям Золотой звезды,
потерявшим сыновей и дочерей в «пустынных войнах»*

*Я замечал, что нервную окружаюющих.
Оберштурмбаннфюрер Ренн по прозвищу «Der Meisterschütze»,
«Мастер-снайпер», Третья танковая дивизия СС «Мертвая голова»*

Часть первая

Глава 1

Наши дни, невесть где

Он видел степные цветы, а среди них – Кейти. Она сидела, скрестив ноги. Ветер трепал ей волосы, и те сверкали на солнце. Кейти широко улыбнулась. Она всегда улыбалась. Четыре года – возраст улыбок. Вид у нее был совершенно счастливый. Травинки всколыхнулись, и ей это, должно быть, понравилось. Задрал и без того курносый нос, она подставила мордашку ветру.

– Кейти! – закричал он. – Кейти, милая! Кейти!

Она обернулась на голос. Голубые глаза ее лучились любовью.

– Папа! Пап, привет!

– Милая, я сейчас! – завопил Пол и рванулся к ней, как рванулся бы любой отец, чтобы обнять, прижать к себе, оградить от беды.

Рванулся, да не вырвался.

Он был прикован к столбу. Металлические браслеты врезались в кожу.

– Кейти, я...

– Пап, мне пора.

– Нет, Кейти, нет, я сейчас, погоди...

Он рванулся еще сильнее. Из ран на запястьях пошла кровь, но наручникам было все равно.

– Пока, пап. – Кейти встала с травы. – Я тебя люблю.

Она исчезла, и он понял, что проснулся. Это был сон. Пол больше не спал, но боль в руках никуда не делась. Он дернулся. Наручники снова впились в кожу. Он действительно был прикован к добротному деревянному столбу. Стоял совершенно прямо, как Жанна д'Арк в ожидании костра.

Он поморгал. Все осталось как было, но всплыли новые странности. Во-первых, в лицо ему дул легкий ветерок с ароматом луговых трав. Во-вторых, в небе сияло солнце: то ли желало Полу доброго утра, то ли обрекало его на новые мучения.

Он не чувствовал запаха собственной мочи и рвотных масс. Не чувствовал и привычного зуда, а ведь он давно не мылся и совсем запаршивел. Он не обгадился, а если и обгадился, его почистили.

Вместо драных пятнадцатилетних чиносов¹, найденных когда-то в мусорном баке, на нем был бирюзовый хирургический костюм, а вместо стареньких «адидасов» на два размера больше нужного – белые носки.

Проморгавшись, Пол окончательно проснулся, широко раскрыл глаза, подождал, пока не сфокусируется зрение, и хорошенько рассмотрел мир, в котором очутился.

Этот мир не был похож на вчерашний переулок за фуд-кортом. Пол смутно помнил, как хлебнул мускателя, принял метамфетамина, а потом вырубился за мусоркой неподалеку от мексиканского кафе, где по вечерам собираются приличные люди, едят, пьют, смеются и время от времени подогревают Пола баксом-другим, а то и пятеркой.

Куда все делось? Что творится?

¹ Чинос – летние хлопчатобумажные брюки.

Я что, умер? Умер и попал в рай?

Нет, на рай не похоже. Похоже на луг за городом.

Вокруг была трава, целое море травы. И море света. Наконец зрение заработало как надо, и Пол рассмотрел ландшафт во всех подробностях. Увидел бескрайний простор, горную грядку, сосновую рощу, огромный купол неба, прозрачные завитки облаков, яркое, но ласковое солнце. И зелень, повсюду зелень, потому что столб стоял посреди луговины, а вокруг – бесконечный сосновый лес.

Он ничего не соображал, но к такому состоянию ему не привыкать. В голове, как всегда, полная каша. Хорошо хоть голоса не донимают. Он поискал глазами других людей – и нашел, причем довольно быстро. В добрых пятидесяти ярдах от столба стояли три шезлонга. В них сидели трое. Один говорил по мобильнику. У каждого был равнодушный вид оценщика.

– Э! – крикнул Пол. – Что за фокусы? Кто вы? Где я?

Они молчали, хотя парень с телефоном бросил на него косой взгляд, не прекращая оживленной беседы.

Так, новые подробности. Судя по волосам (длинноваты) и нарядам (джинсы, сапоги, ковбойские шляпы), это мексиканцы. Темные очки, расслабленные позы – трое мачо изволят коротать свой досуг. Он что, в Мексике?

И еще одна странность: чуть поодаль от шезлонгов стоит парень в черном. То есть вообще в черном, с головы до пят, на лице – черная маска, а из прорезей таращатся глаза, тоже черные. И он, в отличие от остальных, смотрит только на Пола.

Пол искал ответ на вопрос, как он мог оказаться в Мексике, прикованный к столбу, относительно чистый и выставленный напоказ, словно музейный экспонат, но он давно уже разучился связно мыслить и по-прежнему ничего не соображал. В попытке напрячь мозги он лишился последних сил. Ему хотелось выпить, хотелось залить глаза мускателем, ведь тот помогал отделаться от фурий, пусть не навсегда, но хотя бы на время.

У него закружилась голова. Чтобы не упасть, он прислонился к столбу. Даже это движение далось ему с трудом. Он тяжело дышал: сказывалась кислородная недостаточность.

– Помогите, пожалуйста! – крикнул он.

Руководящий комитет пришел в движение. Парень с телефоном – похоже, он был за главного – окликнул остальных мексиканцев. Все трое подошли к мужчине в черном и уставились на Пола. Судя по всему, никто не собирался ему помогать.

Время тянулось невыносимо медленно, словно сбилось с привычного ритма. Наконец Пол услышал странный звук. Не резкий, вроде взрыва или выстрела, но все равно грозивший опасностью. Словно что-то шлепнулось на землю неподалеку от столба. Мексиканец снова принялся говорить по телефону.

Пол повернул голову. Ярдах в двадцати пяти от него над травой стояло коническое облачко пыли, словно от миниатюрного взрыва. Ветер понемногу сдувал пыль в сторону.

Непонятно было, какое отношение облачко имеет ко всему происходящему. Пыль просто висела над травой. Пол изо всех сил соображал, откуда она взялась, но это зрелище никак не укладывалось в его картину мира.

Через секунду земля снова дрогнула. Еще одно извержение, теперь гораздо ближе. Пыль взлетела футов на десять – со сверхзвуковой, а то и со световой скоростью, словно ее выплюнул гейзер, – и тут же начала рассеиваться. Пола осыпало камушками и комочками земли.

Он лихорадочно рылся в воспоминаниях, пытаясь сообразить, что это значило. Наконец до него дошло: такие извержения бывают, когда в землю с силой бьет пуля. Он тысячу раз видел это в кино.

Земля под ногами заходила ходуном. Неведомая сила больно ударила его о столб, руки вывернулись, наручники впились в запястья до самых костей. Во рту появился привкус крови.

Милосердное онемение продлилось не больше секунды, и Пол почувствовал острую боль. Его хлестнули камушки и песчинки, несшиеся со сверхзвуковой скоростью.

Теперь он понял, что по нему стреляют, причем издалека.

Его охватила паника, как всегда бывает с жертвами. Он бросился бы наутек, но наручники не пускали.

– Нет! – крикнул он. – Так нельзя! Вы не имеете права! – И непроизвольно всхлипнул.

Это выглядело смешно, и мексиканцы засмеялись.

– Кейти! – завопил он. – Прости меня, прошу, прости папу!

И вошел туда, где не было ничего, кроме света.

Глава 2

Ранчо, Каскейд, Айдахо

Грех жаловаться. Вид из кресла-качалки открывался шикарный: луг, а за лугом – горы с белоснежными шапками (прямо как у него самого), и эти горы были здесь всегда (прямо как он сам). Здесь он владел всем, кроме гор, принадлежавших одному лишь Господу. Поздней весной погода приятная, солнце нежаркое, ветер несильный. У детей все хорошо. Жена довольна, насколько жены вообще бывают довольны. Денег все больше и больше, и не по его хотению, а благодаря неустанной работе каких-то финансовых механизмов. Здоровье хорошее, даже отличное. Новое бедро (за номером третьим) стало как родное, мотор не барахлит. Лошадок, пожалуй, даже через край, и все бодрые, живые, как сама жизнь. Винтовки? Есть и новые, самых удивительных калибров, еще и патрон на пробу, называется «Кридмур 6,5», отличная забава – скучная, техническая, как раз по нему. Друзей даже больше, чем он заслужил, причем совершенно разных, от знаменитостей из Национальной стрелковой ассоциации и бывалых снайперов до нескольких журналистов и множества лошадиных ветеринаров в семи штатах, да еще двух десятков бывших сержантов морской пехоты: с такой ватагой хоть в огонь, хоть в воду. Пикапы? Больше чем за один руль не сядешь, так что хватит и одного.

«Все у меня есть», – думал он.

В свободное время он помаленьку учил историю. Сейчас добрался до Крымской войны и представлял себе тогдашние баталии в пороховом дыму, густом, вездесущем – ни конца ни края. Раны хреновые, зеленоватые, а потом – гангрена и ампутация, причем никаких анестетиков, кроме спиртного. Современные кудесники от медицины не раз спасали ему жизнь – вот они, шрамы, – и от мыслей о такой ампутации холодела спина, старая и прямая как жердь. Так что все прекрасно.

Он знал, что это не навсегда.

И был прав.

Машины такого ядовитого цвета бывают только в прокатных конторах, да и там не пользуются особым спросом. На номере значилось «Айдахо 82». Путь неблизкий. Стало быть, жди неприятностей – друзья никогда не приезжали без звонка, и вряд ли кто-то из них сел бы в такую елочную игрушку. На воротах ранчо не было никаких опознавательных знаков, даже почтового ящика, кричащего на весь мир, что здесь проживает «СВЭГГЕР». Да, дом у Боба большой и красивый, но с шоссе его не видно. С таким же успехом проселок мог вести к уштанному трейлеру, или к поселению сектантов, вооруженных до зубов, или к любой мерзости, пустившей корни в благодатной почве штата Айдахо.

Сунув руку под футболку, он коснулся рукоятки «Коммандера» с магазином на девять патронов «.38 Спешл» и убедился, что может выхватить его из кобуры меньше чем за секунду. Движение было чисто машинальное. Прибытие «форда-темпо» или «шевроле-призм», да еще с такой термоядерной расцветкой, не предвещало перестрелки. Хотя, сказать по правде, Боб предпочел бы перестрелку.

Машина остановилась, и он поднялся на ноги. Увидев, кто приехал, он не то чтобы удивился, но слегка опешил. Из машины вышла женщина лет шестидесяти, плюс-минус. Брючный костюм, макияж и дорожные кеды: в наши дни почти все американки таскают их и в пир и в мир. Улыбка неуверенная, непрофессиональная, лицо слегка асимметричное, словно его сперва разобрали на части, а потом снова собрали, но уже не так удачно. Правда, шрамов на нем Боб не заметил, просто форма была какая-то не такая, да еще и мина не особенно счаст-

ливая, и все это выглядело весьма подозрительно. Эта бедолага, кем бы она ни была, крепко смахивала на человека, затаившего обиду на весь мир.

– Мэм, – крикнул он, – просто чтоб вы знали, это частная собственность, а я человек не сильно общительный. Если вы что-то продаете, я не куплю. Если приехали взять интервью, я отказываюсь с вами беседовать. И агитировать меня бесполезно, на выборы я не хожу. Но если вы заблудились, я с радостью подскажу, куда ехать, и даже принесу чего-нибудь попить.

– Я не заблудилась, мистер Свэггер. Сержант Свэггер. Не так-то просто было вас найти. Знаю, что вы не жалуете гостей, и не вижу причин, по которым вы должны обойтись со мной иначе, но с учетом обстоятельств я имею право на то, чтобы вы меня выслушали.

– Ну... – сказал он, а про себя подумал: «О господи, что еще?»

– Речь о моем сыне. Младший капрал Томас Макдауэлл, снайпер, Третий батальон Восьмого полка морской пехоты, Багдад, две тысячи третий год. Вернулся домой в гробу.

Какое-то время они молча сидели на веранде. Боб понятия не имел, что сказать, – ясное дело, сказать было нечего. Он знал, что такое горе. Знал, что его лечит одно лишь время, да и то не до конца, с ним покончит только могила. Так что Боб решил: пусть говорит женщина. А ей, похоже, требовалось время, чтобы собраться с духом.

Наконец она сказала:

– Красиво у вас.

– Каждый день сижу тут часок-другой. Травинки считаю. Иной раз забредает стадо антилоп, а то и чернохвостый олень со своим гаремом. Однажды видел здорового лося, не рога, а загляденье. Но таких почти не осталось.

– Вы очень гостеприимный.

– Какой уж есть.

– Наверное, думаете, что я приехала за объяснениями. Контекст, физика, баллистика, история, что-где-когда. Вы же специалист в этих вопросах.

– Если оно вам надо, не буду себя сдерживать.

– С тех пор как принесли похоронку, я и сама кое в чем разобралась. Семь шестьдесят два на пятьдесят четыре, сто шестьдесят гран. Классическая винтовка Драгунова. Скорость на момент попадания – тысяча шестьсот футов в секунду. Пуля со стальным сердечником – не сплющилась, не разорвалась. Прошла навывлет. Говорят, он не успел ничего почувствовать.

– Правильно говорят.

– Мне бы сказать спасибо за такое милосердие, но язык не поворачивается. Маме не нужно милосердие. Маме нужна жизнь того, кто стрелял. Вот что нужно маме.

Он помолчал. Дело приняло неожиданный оборот. Да и что тут, черт возьми, скажешь?

– Миссис Макдауэлл, это не дело. И не потому, что вы говорите об убийстве – а это убийство, поскольку мы не на войне. И не потому, что вы напрашиваетесь на серьезные неприятности, по сравнению с которыми ваша нынешняя жизнь – детский сад, уж простите за резкость. И не потому, что вы при любом раскладе потратите все свои деньги, вообще все, на адвокатов и прочих стервятников. И даже не потому, что это, скорее всего, невозможно. Видите ли, вы хотите отомстить. Для этого вам нужен охотник, и вы пришли ко мне, но я старик. Основная работа снайпера состоит в том, чтобы выслеживать жертву, высаживать двери, бегать по ступенькам и все такое прочее, а мне уже семьдесят два, так что меня или возьмут под стражу, или пристрелят на месте.

– Прекрасно вас понимаю, – кивнула она. – Мне уже говорили, что Снайпер Боб – достойный человек и что он не собьет меня с пути истинного, а наоборот, поможет добрым словом. Чисто для справки: я побывала везде. В Корпусе морской пехоты, в разведке, в НСА. Везде мне дали от ворот поворот. Считают, что я рехнулась.

– Ну, это слишком громко сказано. Скорее, вы плохо подумали.

– Но... – начала она.

– Разумеется, всегда есть «но».

– Да, и у меня тоже. Вы скажете, что война есть война. Он сам, по собственной воле, записался в морскую пехоту, окончил снайперские курсы, добровольно отправился на войну, убил нескольких человек и однажды вечером проиграл в лотерею. Так уж устроена война. Проиграл в лотерею, и привет. Вы сами знаете. И тот мальчишка, что нажал на спусковой крючок, – предположу, что речь неминуемо пойдет об этом мальчишке, – он такой же, как Том. Плясал под дудку политиканов, толком не понимая, к чему все идет, и предпочел бы сидеть с девчонкой в кино, или шляться по торговому центру, или чем еще занимается молодежь. Я права?

– Да, я думаю так же. Понятно, что эти слова не помогут восстановить справедливость, да и покоя вам не добавят. Кроме того, велика вероятность, что мальчишку положили в том же Багдаде. В две тысячи третьем там много кого положили, если мне не изменяет память.

– Не изменяет.

– Добавлю, что у них была неплохая программа подготовки снайперов, так что нашим парням досталось на орехи. Потом туда отправились кое-какие люди, проанализировали данные, составили графики, вычислили, где, когда и как стреляют, и поменяли стратегию так, что их мальчишки стали умирать гораздо чаще, а наши – гораздо реже. Наверное, Том погиб до того, как эксперты разобрались, что к чему.

– Именно так.

– Пожалуй, вам лучше выбрать новую мишень для своего гнева. Например, Корпус морской пехоты, такой неповоротливый. Или президента и строй мужчин в серых костюмах – ведь именно они отправили вашего сына туда, где он погиб. Или газеты с их передовицами в поддержку войны. Или взгляните на все это под другим углом. Все, кто погиб на войне, отдали свои жизни не просто так. Даже если от вашего сына осталась лишь запись в противоснайперской базе данных, он спас множество матерей от той участи, что постигла его маму. Все это не зря. Ваш сын не напрасно пожертвовал жизнью. Он отдал ее за тех, кто оказался в Багдаде после него.

– Я бы согласилась, но не могу. Это «но» никуда не денется.

– Ну ладно. Расскажите мне про ваше особое «но».

– Но дело не в войне. Но его убил не мальчишка, который предпочел бы шляться по торговому центру. Но этот человек не защищал свою страну. Но он не мертв. Но я знаю, кто он и где его искать.

Говорила она уверенно и с чувством, однако это еще ничего не значило. Ясно было одно: эта женщина или безумно отважна, или выжила из ума. А может, и то и другое.

Она семь раз побывала в Багдаде. Четыре раза ее изнасиловали, трижды избили, причем один раз весьма серьезно, чем и объяснялась странная форма лица.

– Кости неправильно срослись, – сказала она. – Мелочи. Кому какая разница?

Трижды ее обмишурили. Она отдала жуликам все, что выручила от продажи дома, а потом заняла денег у брата, чтобы оплатить шестимесячный интенсивный курс арабского.

– Некоторые нюансы мне по-прежнему недоступны. Сами знаете, у них очень беглая речь. Многое зависит от контекста и культурного багажа. Но я почти все понимаю. Могу вести переговоры. В случае чего всегда можно переспросить. Ах да, еще я приняла ислам.

– Приняли ислам?

– Иначе не понять, как они устроены. На это ушло еще полгода. Я пыталась стать настоящей мусульманкой, понять их историю, культуру, идеологию, поверить всей душой. Подумывала даже взорвать пару-тройку неверных и посмотреть, какие будут ощущения. Но отказалась от этой мысли. Слишком неправильно. Даже для такой чокнутой, как я.

Короче, дело обстояло так. Разведчик из Третьего батальона сказал ей, что Третий батальон вел бои с остатками Второй штурмовой бригады Пятой багдадской механизированной

дивизии Первого корпуса Республиканской гвардии. В конце войны личный состав бригады смешался с местным населением. По большей части они были родом из столицы, так что неплохо знали местность. Они начали стягиваться поодиночке в юго-восточную часть города, где дислоцировался Третий батальон, и развязали партизанскую войну против неверных. Поначалу ничего особенного: самодельные взрывные устройства, неумелые засады, горе-снайперы, постоянные измены, проволоочки, неудачи, вопиющее невежество. Но эти ребята быстро учились на своих ошибках.

Целью ее первой поездки – а также второй и отчасти третьей – было найти ветерана из этого партизанского формирования, готового рассказать, как все было. Сплошные обманы, впустую потраченные деньги и темные переулки – в одном из них ее изнасиловали. По крайней мере один раз, во время первой поездки.

Свэггер представил себе, как американская мамаша – типичная представительница среднего класса из субурбии – притворяется коренной багдадкой, кутается в одеяния правоверных и понимает, что в любой момент этот маскарад могут раскрыть, а саму ее – изнасиловать, избить, даже лишить жизни и что за ней к тому же гоняется военная полиция, от которой ничего не скроешь. Она снова и снова платила за свои ошибки, не раз была поймана, но каким-то чудом выжила. Боялась она лишь одного: что не сумеет отомстить за смерть сына.

Наконец она вышла на бывшего капитана Второй штурмовой бригады, искалеченного взрывом снаряда авиационной пушки. Тот нуждался в средствах для поддержки семьи и таил злобу на командиров, из-за которых влачил жалкое существование.

Его звали Азиз, и он кое-что знал. Может, не все. Может, совсем немного. Тем не менее он поведал ей про специалиста со стороны.

– Явился непонятно откуда, – рассказывал Азиз. Денег он не взял. – Его нашло командование бригады. Говорили, что он искусно управляется с винтовкой. Потом забрал у нас лучших стрелков, лично у меня – двух отменных специалистов из отряда подрывников, – и увез, а куда – не знаю. Куда-то, где учили стрелять из винтовки. Не штурмовой, а снайперской.

Всего их было двадцать два человека. Когда они вернулись, у каждого была русская снайперская винтовка Драгунова. У того снайпера имелся план действий, он ходил со стрелками на разведку, готовил пути отступления. Большой профессионал. Учил их такому, до чего сам не додумаешься. После взрыва морпехи отступали в безопасное место, но от снайперов было не спрятаться. Те изучили все потенциальные укрытия, рассчитали дистанцию, сделали необходимые поправки, пристрелялись. Поэтому морпехи, сами того не ведая, оказывались в зоне поражения. Снайпер открывал беглый огонь, убивал нескольких человек, а потом исчезал, не дожидаясь, когда американцы придут в себя и начнут отстреливаться. После каждой такой вылазки стрелок залегал на дно.

– Специалист старой закалки, – кивнул Боб. – Неплохо знал свое ремесло.

– Томми вел наблюдение за периметром. Как мне сказали, у него было предчувствие. Он дежурил на крыше многоквартирного дома, где устроили патрульный штаб Третьего батальона. Ему поручили выискивать снайперов. Каждые несколько минут он менял позицию, сдвигаясь на пару футов вправо или влево. Если долго сидеть на одном месте, тебя заметят, и все, ты пропал. Но...

– Понимаю, вам непросто об этом говорить.

– Но кем бы ни был тот человек с «Драгуновым», он знал все наперед. Знал, где окажется Томми. Устроился под определенным углом к цели, понимая, что рано или поздно Томми появится на этом месте. Прицел винтовки был настроен на нужную дистанцию, и сам снайпер показал себя человеком исключительной дисциплины. Лежал в засаде без движения, слившись с винтовкой, и ждал, ждал, ждал, пока жертва не появится в прицеле, а когда Томми вышел на позицию, тут же выстрелил. В голову. Мгновенная смерть. В затылке дыра, под левым глазом – черное входное отверстие, совсем маленькое, размером с монетку. Вот и все. За голову морпеха

была назначена награда, и, кто бы ни стрелял, тем вечером он неплохо подзаработал. Может, это сделал пришлый снайпер. Может, он положил премию себе в карман или сдал деньги в общий котел, не знаю. Не имеет значения. Это он виноват, это он все устроил, явился на чужую войну и научил их тому, чего они сами не узнали бы. Обеспечил подготовку и спланировал убийство моего Томми. Он не защищал свою страну, он джихадист, а это совсем другое дело. Он должен за все заплатить, ведь именно из-за него коэффициент смертности среди американских солдат за два месяца вырос с двух целых четырех десятых до девяти целых шести десятых на тысячу. Всего погибли двести сорок пять человек, около пятидесяти получили ранения.

– Странно, что так мало раненых. Обычно все наоборот. На десять раненых приходится один убитый. Думаю, ему неинтересно было просто вывести противника из строя. Он учил своих стрелков бить наверняка.

– По словам капитана Азиза, ему не нужны были раненые. В Коране говорится, что неверного надо убить, а не ранить. Этот снайпер – глубоко верующий человек.

Она продолжила свой рассказ. Корпус морской пехоты вызвал аналитическую противоснайперскую группу, и специалисты пришли к выводу, что всех солдат застрелили по одному и тому же шаблону. Никакой импровизации. Любые случайности исключены. Все строго по учебнику. Стреляли всегда в промежутке с шестнадцати до восемнадцати часов, используя в качестве прикрытия автомобили – на улицах было полно разбитых машин, – после чего отступали по прямой, в ближайший дом, где можно было отсидеться.

– Слишком поздно. К тому времени Томми был уже мертв, – говорила его мать. – Но однажды снайперы разошлись по позициям, а в шестнадцать ноль-ноль по всем разбитым машинам, брошенным в периметре каждой роты и каждого батальона, был нанесен ракетный удар. Остатки расстреляли из пулеметов и забросали гранатами. В тот день партизаны потеряли семнадцать из двадцати двух снайперов, и те больше не представляли опасности для наших ребят.

– Что стало с главным?

– Он исчез. Понял, что обстоятельства изменились и программу можно сворачивать. Он сделал все, что мог, но игра снайперов приближалась к концу. Пришло время взять отпуск. Восстановить силы для новых сражений в войне, идущей уже тысячу четыреста лет.

– Но, если не ошибаюсь, он и после этого принес им немало пользы, – заметил Боб. – Повстанцы выложили в сеть множество видеороликов. Он стал знаменит. Все его боялись. Деяния двадцати двух снайперов приписали ему одному. Говорят, что он убил несколько сотен американцев. Он получил прозвище, которое превратилось в товарный знак. Кстати говоря, очень известный. Можно подумать, его разработали на Мэдисон-авеню.

– Выходит, вам известно, как его зовут?

– Да, слышал его имя. Джуба. Багдадский снайпер.

Стемнело. Из города вернулась Джулия: там у нее был кабинет, откуда она управляла конюшенной империей Свэггера. Она познакомилась с Дженет Макдауэлл, и женщины сразу понравились друг другу. Сбросив маску охотницы на людей, Дженет приняла приглашение остаться на ужин. Обе ушли на кухню и дружно занялись хозяйственными делами.

После ужина – весьма неплохого – Боб и Дженет вернулись на веранду. Настало время дослушать рассказ.

– Итак, он сбежал из Багдада и вы его потеряли. Как получилось, что снова нашли?

Она сделала все, что могла. Еще несколько раз ездила в Багдад – уже после того, как улеглась поднятая Бушем волна. Побывала в Москве, где получила доступ к архивам КГБ (это влетело ей в копеечку), чтобы выяснить, не связан ли Джуба с русскими. Съездила в Чечню, чтобы узнать, не был ли он одним из печально известных снайперов, которые безжалостно расстреливали русских во время чеченской войны. Кое-что обнаружилось в Афганистане. Там

погиб американский полковник (самый высокопоставленный офицер, павший на той войне от рук снайпера), причем выстрел произвели с очень большого расстояния, – иначе говоря, стрелок был большим мастером своего дела. Такая же участь постигла одного из старших оперативников ЦРУ в провинции Гильменд. Имя сына открыло для Дженет кое-какие двери. Она много общалась с разведчиками и снайперами из Корпуса морской пехоты, пытаясь выйти на след, но следов не было. Сплошные предположения и никаких доказательств.

– Я чуть было не опустила руки, – сказала она, и Боб понял, что однажды она едва не решила свести счеты с жизнью. Почему бы и нет, если жить больше незачем?

Но затем она подумала: «Чего мне не хватает? Предметных знаний. Возможно, техническая информация поможет во всем разобраться».

Винтовки. Она нырнула в мир винтовок. Начала со специализированных журналов, читала по семь номеров в месяц, чтобы вникнуть в тему. Мемуары снайперов, романы о снайперах, фильмы про снайперов... Как раз в это время в поп-культуре начали героизировать снайперов, и Дженет внимательно следила за судьбой Криса Кайла и других знаменитых стрелков. Изучила баллистику, устройство винтовок, ходила на занятия по стрельбе...

– Отец моего сына – мы развелись, когда Тому было три года, – дал мне двести тысяч долларов, чтобы платить за все это. Правда, у меня становится все меньше платежеспособных родственников.

Наконец она решила сосредоточиться на конкретном оружии. Судя по словам разведчиков, с которыми она говорила, Джуба и его люди пользовались классическими винтовками Драгунова российского производства. Этой модели было уже полвека, и морпехи знали о ней не понаслышке, сталкиваясь с русской винтовкой по всему миру. Ее первый экземпляр они захватили в 1973 году не без помощи ЦРУ.

– Да, слышал эту историю, – кивнул Боб.

– Но дело не в винтовке. Дело в патроне.

– Правильно мыслите, – кивнул Боб.

– Сама я никогда бы этого не поняла. Раньше я думала так: берешь какой-нибудь патрон, заряжаешь какую-нибудь винтовку, нажимаешь на спусковой крючок – и все, готово. Но это даже не половина дела. Даже не одна десятая. Столько тонкостей, и я почти со всеми разобралась.

Дженет была целеустремленной женщиной. Ее не остановили даже бесконечные технические подробности, весь этот стрелковый мир с его особенностями, противоречиями, обилием заведомо ложной информации и бессмысленными терминами, настолько произвольными, что ни о каком понимании речи нет: их можно лишь заучить наизусть.

– Оказалось, что самый точный патрон калибра семь шестьдесят два на пятьдесят четыре производился в пятидесятых годах на болгарском оружейном заводе «Арсенал». Это так называемая тяжелая пуля с кончиком желтого цвета. Патроны поставляются в цинках, по триста штук в каждом. Капсюли разъедают металл, так что стрелку нужно тщательно следить за чистотой оружия. Я пришла к выводу, что Джуба пользовался именно такими патронами.

– Хорошие, – согласился Свэггер. Во время службы у него был запас американских «Мэтч Таргет» 7,62 × 54 с завода «Франкфорд арсенал». Всегда выбирай самое лучшее – и винтовку, и патроны, словно от них зависит твоя жизнь, потому что так оно и есть.

– Я решила, что после Багдада ему все равно понадобятся эти боеприпасы. Пришло время выяснить, кто продает болгарские семь шестьдесят два на пятьдесят четыре с тяжелой пулей.

– И вы отправились в Болгарию, да?

– Да. Оказалось, что их больше не производят, да и раньше партии были довольно скромными. Миллион-другой, но никак не десятки миллионов. Патрон высокоточный, поэтому погрешности крайне незначительны, а качество контролировалось самым серьезным образом.

В Софии она вышла на человека с нужными связями и за двадцать пять тысяч долларов получила доступ к государственным архивам, где хранились документы на отгрузку интересующих ее патронов. В 1962 году партия была признана излишней и следующие двадцать лет провела на складе. Когда русские вошли в Афганистан, снайперы тут же оценили качество этих патронов, и почти все они отправились в Советскую армию, после чего полетели в афганских и чеченских моджахедов. Потом наступила эра капитализма, и остатки боеприпасов – около десяти миллионов штук – разошлись по разным странам, где в ходу были «мосинки», магазинные винтовки того же калибра с ручным затвором, созданные еще в царской России. Болгарский патрон 7,62 × 54 идеально подошел к ним. В итоге крупнейшим импортером этих боеприпасов стала южноафриканская фирма «Саут стар» со штаб-квартирой в Элизабеттауне.

– Вы и там побывали?

– Да. К счастью, ЮАР – это еще одна страна, где все продается и покупается. После нескольких фальстартов меня на один вечер допустили до инвентаризационных журналов «Саут стар».

Она достала из портфеля компьютерную распечатку.

Стопка была огромной. Чтобы прочесть все бумаги, потребовалось бы несколько часов, но Дженет уже просмотрела записи и выяснила, что «Саут стар» много лет продает цинки с желтыми точками на боку, указывающими на высочайшее качество боеприпасов.

Раз в три месяца пять тысяч патронов отправлялись по разным адресам, но почти всегда на Ближний Восток. Несколько лет подряд цинки уезжали в Египет, еще пару лет – в Ирак и, наконец, в Южную Сирию.

– Платили всегда одинаково, переводом из швейцарского банка. Судя по последней отгрузке, он до сих пор в Южной Сирии, далеко от войны.

– Думаете, это Джуба?

– Да. У этих патронов есть одна неприятная особенность. Они слишком тяжелые. А значит, он не может купить миллион штук зараз, чтобы хватило на всю жизнь. Приходится каждые несколько месяцев брать небольшую партию. Если он поддерживает себя в форме и в любую минуту готов выйти на оперативный простор, без регулярных поставок ему не обойтись. Ясно, что покупатель один и тот же: имена получателей и адреса отгрузки разные, но оплату совершают одним и тем же способом. Теперь понимаете, насколько ценна эта информация? Это, конечно, не точный адрес, но нам известен город. Последний раз патроны отправились в Южную Сирию, в город под названием Ирия. Он точно там. Где-то в тех местах, неподалеку от пунктов службы международной доставки и, очевидно, с ведома местных властей.

– Но это и вправду не точный адрес. У вашей информации нет практической ценности.

– Согласна, но можно найти человека, который выяснит дату следующей поставки, найдет пункт прибытия и посмотрит, кто будет забирать груз. Если слежка не выведет на того, кто мне нужен, всегда можно поспрашивать у местных. Наверняка кто-то обратил внимание на обеспеченного одиночку, живущего в пустыне и постоянно стреляющего из винтовки.

– Вряд ли, – возразил Боб. – Если он и правда такой умный, у него есть осведомители по всему городу. Стоит задать пару вопросов, и он тут же сменит позицию, а заодно усилит меры безопасности, чтобы не допустить новых проколов. Может, перестанет пользоваться этими патронами или же найдет другого поставщика. Он наверняка недоволен тем, что уже много лет вынужден иметь дело с «Саут стар». Вы обращались с этой информацией в ЦРУ?

– Нет. Они вышибли меня из стольких стран, что это даже не смешно. Называют меня «Балтиморской сумасшедшей». Еще бы, от меня сплошные неприятности. Меня даже внесли в список нежелательных авиапассажиров, но я научилась путешествовать по поддельным документам. Поэтому – никаких электронных писем, звонков или уведомлений. Просто взяла и явилась, рассчитывая на ваше понимание. Чувство стыда мне несвойственно. И я к ним не пойду. Хочу действовать так же, как всегда. То есть самостоятельно. У меня еще осталась

родня, и я располагаю значительными средствами. Но все нужно сделать быстро, ведь его легко спугнуть, и он часто переезжает с места на место. Я неплохо его изучила, так что можете верить моим словам.

– Понятно. – Боб задумался. – И вы решили, что я сумею приехать в Сирию, найти его и уничтожить?

– Теперь вы в курсе дела и, надеюсь, измените отношение к моей просьбе. Могу устроить вам фальшивый паспорт превосходного качества, предоставить надежного гида и переводчика. Вы проведете в Сирии не больше нескольких дней. Нужно разыскать его и выкурить из убежища. Один выстрел, один труп. Дело не только правое, но еще и выгодное. К тому же вы окажете всем большую услугу.

Разумеется, все пройдет не так, как задумано. Но покончить с Джубой, увидеть в прицел, как он сходит с лица, получив пулю, сделать так, чтобы он канул в Лету... Заманчивое предложение. Споры нет, это правое дело, но все равно так поступать нельзя.

– Нет, – сказал он. – Я за такое не возьмусь. Это не военная операция, а обычное убийство. Не правосудие, а месть. В ней нет никакой ценности – ни стратегической, ни информационной. Допустим, его смерть поможет уберечь каких-нибудь дипломатов, но меня это мало волнует.

– И я никак...

– Погодите. Я не говорю, что отказываюсь вам помочь. Вы, миссис Макдауэлл, та еще штучка. Американка из пригорода, сама себе ЦРУ. Переиграли профессионалов, да и нервы у вас покрепче, чем у них. Понимали, что вам придется несладко, что вас могут убить, но не остановились. Вы решительная дама, я таких уважаю. У вас, как говорится, железная хватка.

– Я не геройствую. Просто нужно как-то пережить эту боль. У меня не было никого, кроме Томми.

– Значит, вот что я сделаю. И обойдемся без ваших денег.

– Нет, погодите...

– Согласен, вы правильно сделали, что не пошли в ЦРУ. Там полно идиотов, считающих, что они разыгрывают долгую партию. Привыкших считать себя повелителями хаоса. Они не стали бы убивать этого парня. Начали бы за ним следить, смотреть, на кого он выведет. Если на важную персону, то, наверное, продали бы эту информацию. Или похитили бы того человека и допросили с пристрастием. Короче, намудрили бы и обязательно ударили в грязь лицом. И не для того, чтобы остановить джихадиста, нет. Только для того, чтобы подсидеть коллегу из соседнего кабинета, который по-другому смотрит на все это. Там же полный бардак. Представьте себе восьмой класс средней школы, где учитель – размазня, а детишки один хитрее другого.

Дженет промолчала. Судя по всему, она пришла к такому же выводу.

– Вот что я предлагаю, – продолжил Боб. – Я знаю одного влиятельного человека в «Моссаде». Мы с ним не встречались, но несколько лет назад он заведовал одной операцией, и та в некоторой мере пересекалась с моими собственными делами. В общем, он ко мне присмотрелся, и так уж вышло, что я, сам того не ведая, оказал ему серьезную услугу. Откуда я это знаю? Моя дочь работает в Тель-Авиве корреспондентом «Фокс ньюс». Этот моссадовец вышел на нее, они подружились, и он время от времени подбрасывает ей информацию. Думаю, с помощью дочери я сумею заручиться его поддержкой. Подозреваю, что «Моссад» тоже имеет зуб на вашего Джубу. В отличие от наших ребят, израильтяне принимают все близко к сердцу. Давайте-ка я съезжу в Тель-Авив и попробую их заинтриговать.

– Я оплачу ваши расходы.

– Знаете что? Я богатый человек, хоть и не понимаю, как такое вышло. Трачу свое богатство только на винтовки да время от времени вожу супругу в «Крекер баррел». Почту за честь внести свою лепту в уничтожение Багдадского снайпера. А вы расплатитесь со мной тем, что сядете ровно и сделаете так, чтобы вас больше не били. И не насильовали.

Глава 3

Южная Сирия, окрестности Ири

Один и тот же сон. Он снился Джубе уже много лет и будет сниться до конца жизни, и Аллах не избавит его от этого сна, ведь он сам его послал, чтобы Джуба сохранял ясность мысли, не расслаблялся, не забывал о том, сколь суров выбранный им путь и какую цену предстоит заплатить за триумф.

Во сне он сидел в укрытии. Перед ним американцы, к плечу прижат приклад винтовки Драгунова, цевье покоится на стене, или на упавшей колонне, или на бампере автомобиля, палец лежит на спусковом крючке, глаз смотрит в оптический прицел.

Он видел это много раз. Американцы мечутся в поисках укрытия. Шлемы у них песочного цвета, формой напоминают черепаший панцирь, есть выступ для защиты задней части шеи. Как они вообще могут двигаться в такой экипировке? Похожи на крестоносцев, не хватает лишь свободных белых туник с тамплиерским крестом. В броне, с ранцами, со всевозможным оружием, они отправились в очередной Крестовый поход, и Джуба прекрасно знал, чем все это закончится: он видел, как пылают дома, как людей сжигают на кострах, как оскверняют мечети, как насилюют женщин, как грабят города, как над землей Мухаммеда воцаряются боль и отчаяние. И не важно, что все это было десять веков назад. Времени нет, как нет понятий «тогда» и «сейчас».

На ощупь винтовка была великолепной, а Джуба знал толк в винтовках. Прицельная сетка застыла в полной неподвижности, значит рука его по-прежнему верна. Он совмещал угольник с целью, оценивал расстояние, делал поправки – выше, ниже, правее или левее, если дул сильный ветер и по линзе хлестал песок. Затем потянуть палец к себе, спусковой крючок слегка сопротивляется, не дергать, не теребить, движение доведено до автоматизма. Смерть приходит к цели в образе тяжелой пули болгарского производства, а Джуба чувствует толчок в плечо и видит в окуляре смазанную картинку, но после отдачи организм тут же восстанавливает равновесие.

Предсказать поведение человека при попадании невозможно, каждый реагирует по-своему. Кто-то замирает, кто-то противится прикосновению пули – прикосновению самой Смерти. У одного на лице гнев, у другого – покорность судьбе, у третьего – облегчение, но все уходят в мир вечного сна.

Ему снилось, что вокруг множество целей, хотя наяву такого почти не бывает. Морские пехотинцы, одревеневшие от страха, прячутся повсюду: в трещинах полуразрушенных зданий, в дверных проемах, в разбитых автомобилях – где угодно, лишь бы оказаться подальше от праведной ярости снайпера, но весь мир – в его смертоносной власти, а винтовку направляет сам Аллах, угольник находит неверного, и палец посылает в него тяжелую пулю, и сетка прицела не дрожит. Раньше, отправляя неверных в место, уготованное для них Аллахом, Джуба считал их, но потом сбился со счета.

Сон всегда заканчивался одинаково. Всякий раз Джуба видел собственную судьбу. Выискивая цели, он наконец замечал за пороховым дымом человека: даже не силуэт, а смутное пятно. Затем ждал, пока ветер не подхватит дым и не унесет его прочь, но секундное промедление оказывалось роковым. Во сне Джуба видел то, что однажды увидит наяву, видел равного ему стрелка, затаившегося среди развалин. В руках у снайпера – винтовка с сошкой и оптическим прицелом. Вспышка, неровно очерченное световое пятно – та доля секунды, когда в гильзе сгорает порох, – и Джуба понимает, что это конец.

Услышь меня, Аллах, я служил Тебе всем своим существом. Смиренно прошу: отпусти мне грехи и прими меня в Джаннат.

Он знал, что умрет именно так, рано или поздно, ведь за ним охотились уже много лет – сперва израильтяне, потом иранцы, курды, русские и, наконец, американцы. Его жизнь заберет снайпер, такой же искусный, как и он сам.

Он вздрогнул и проснулся – как всегда, весь в поту, обуреваемый паникой. Ночью в пустыне тихо. Он скатился с койки, подошел к окну, взглянул на бескрайнюю равнину. Вдалеке, на другом ее конце, горел фонарь полицейского участка. Охранники внизу не издавали ни звука, хотя предполагалось, что один из них стоит в карауле. Проверять незачем, сегодня ничего не произойдет.

Но он никак не мог прийти в себя. Наверное, ему не давало покоя то, что будет, – такое случалось даже после стольких лет: чисто биологическая реакция организма, молитва здесь бессильна. Он подумал, не покурить ли гашиша, но решил не делать этого, чтобы утром сознание оставалось ясным, а реакция – молниеносной.

Вместо этого он сосредоточился на даре свыше, на моменте своего торжества, когда Аллах наконец воздал ему за все, чего он лишился, за весь позор, унижения и отголоски вечной боли.

Он задумался об автобусе.

Глава 4

Тель-Авив

Свэггер отыскивал условленное место – кафе примерно в миле и от пляжа, и от гостиницы, с открытой верандой на самом солнцепеке. Едва он сел за столик, как подбежал официант, и Свэггер заказал чай со льдом: он недолюбливал этот напиток, но ему велели заказать именно чай со льдом. Какое-то время он сидел и думал, что одна опергруппа сейчас рассматривает его в бинокль, а вторая изучает прохожих на предмет потенциальной угрозы. Но ни взрывов, ни автоматных очередей не раздалось. Никто ничего не заметил. Никто и бровью не повел.

Наконец из кафе вышел мужчина:

- Сержант Свэггер? Разрешите представиться, Гершон Гольд.
- Сэр, – кивнул Боб. – Присаживайтесь.

Мужчина сел за столик. На нем, как и на Свэггере, были солнцезащитные очки и тонкая белая рубашка с короткими рукавами и расстегнутым воротом. Свэггер был в бейсболке «Арканзас рейзорбэкс», а Гольд – в пляжной шляпе с черной ленточкой. Образ дополняли черные брюки, начищенные кожаные туфли и часы «Брайтлинг» на зеленом ремешке. Лицо его было молочно-белым, как куриное яйцо, рот невыразительный, губы чопорно поджаты. Редкий образец. На его надгробии напишут: «Жаль, что пришлось уйти с работы».

– Спасибо, что согласились поболтать, – сказал Свэггер. – Надеюсь, вы не сочтете эту беседу пустой тратой времени.

– Читал ваше фэбээровское досье, – отозвался Гольд. – Вы принесли немало пользы. Я же просто клерк, офисный работник. От меня не требуют подвигов. Тем не менее я привык думать, что в какой-то мере полезен своей стране.

– Дочь говорит, что в «Моссаде» к вам приклеилось прозвище Джордж Смайли². Насколько я понимаю, это означает «знаменитый разведчик».

– Вроде того. Но не могу похвастаться ни красавицей-женой, ни энциклопедической памятью. И я, в отличие от Смайли, не циник, а скромный пилигрим. Кстати говоря, у вас выдающаяся дочь. Думаю, вы очень ею гордитесь.

– Так и есть.

Гольд кивнул:

- Давайте к делу.
- Здесь безопасно? Могу ли я назвать имя из разряда секретных?

– Вообще-то, нас окружают молодые люди из контртеррористического отдела. Они обожают подобные задания.

Прежде чем начать, Свэггер сделал глубокий вдох.

– Позвольте спросить, вам известно имя Джуба? Я говорю о Багдадском снайпере.

Не выказывая удивления, Гольд откинулся на спинку стула. Он был совершенно спокоен, но его выдали лицевые мышцы. На мгновение – лишь на мгновение – они напряглись. Совсем чуть-чуть. Мало кто способен такое заметить.

– Крайне любопытный господин.

– И весьма набожный, – добавил Свэггер.

– Должен предупредить, что нам уже не первый год подбрасывают различные сведения о Джубе, и почти все они не выдерживают критики. И сам Джуба, и те, кто за ним стоит, знают, как обеспечить свою безопасность. Его имя окутано дезинформацией: ложные следы,

² Джордж Смайли – персонаж шпионских детективов Джона Ле Карре.

недостовверные разведданные, фиктивные сообщения о том, что его где-то видели, и так далее. Мы сворачиваем в один переулок, в другой, в третий и всякий раз упираемся в тупик. Джубе есть что нам рассказать – и я не сомневаюсь, что мы его разговорим, – но он скорее не человек, а мифическое существо. Фантом.

– Хотите сказать, меня облапошили? И все это – очередная уловка, чтобы «Моссад» махнул рукой на Джубу?

– Или обманный маневр. Полной уверенности нет. Допустим, нам нащептали, что Джуба сейчас там-то и там-то, мы заглатываем наживку, бежим туда, а он тем временем орудует в совершенно другом месте. Такое уже бывало, и не раз.

– Другими словами, в этой игре я дилетант и доверия мне ноль.

– При всем уважении на нынешнем этапе ни о каком доверии и речи быть не может.

– Что ж, тогда позвольте поведать вам историю об одной выдающейся даме.

– Я весь внимание.

Свэггер вкратце пересказал ему одиссею Дженет Макдауэлл, в прошлом – домохозяйки из пригорода, а ныне – женщины, способной внедриться куда угодно и заткнувшей за пояс целое ЦРУ. Человек из «Моссада» слушал внимательно и не перебивая, лишь время от времени потягивал воду с лимоном. Наконец он спросил:

– И все это есть на бумаге? Копии документов, фотографии упомянутых вами людей, доказательства ее... хм... злоключений? Другими словами, вы провели хотя бы минимальную проверку?

– Все здесь, в этом портфеле. Более того, я нанял частного детектива. Только смотрите не проболтайтесь, если будете общаться с миссис Макдауэлл. У меня были к ней те же вопросы, что и у вас. Все бумаги проверил мой друг, отставной агент ФБР, а он свое дело знает. Дженет сдала оба экзамена на отлично. В две тысячи десятом году ее скулу действительно раскололи на четыре части, и следующие семь месяцев миссис Макдауэлл провела в больнице, но кости все равно срослись неправильно. Деньги поступили от родственников, от бывшего мужа и от продажи недвижимости. У этой женщины долгов на два миллиона, и всему этому не видно ни конца ни края, так что ее будущее весьма туманно.

– Короче говоря, вы в ней не сомневаетесь. Вы не против, если мы тоже все проверим?

– На здоровье.

– Итак, допустим, она – та, за кого себя выдает. Но это не повод ей доверять. Как знать, вдруг мы имеем дело с очередной игрой Джубы, разработанной каким-нибудь гениальным сотрудником Министерства разведки Ирана? Поверьте, там есть такие, я могу назвать несколько имен. Вся прелесть в том, что иранцы могли выйти на эту женщину во время ее скитаний и подсунуть ей дезинформацию. Она поверила – ведь ей надо верить, что ее мальчик будет отмщен, – и теперь играет на руку нашим противникам.

– Ну да, пожалуй, – согласился Боб. – Хотя... Если бы иранцы знали, чем она занимается, то не стали бы устраивать такой балаган. Прострелили бы ей голову, и дело с концом.

– И еще один сомнительный момент. Вы уверены, что она не работает на ЦРУ и действует без ведома вашей разведки?

– У меня почти не осталось там связей, но сейчас в ЦРУ такая неразбериха, что им не до миссис Макдауэлл. Может, какой-нибудь местный гений сделал ставку на ее самобытность – а Дженет действительно уникальная женщина, – но пока что всех в Управлении корежит от одного ее имени.

Гольд кивнул.

– Давайте я наведу справки, – наконец сказал он. – И перезвоню вам через день-другой. А вы пока развлекитесь, отдохните. Я запишу все на счет «Моссада».

– Спасибо за любезность, но предпочту платить за себя сам, чтобы оставаться материально незаинтересованным лицом. Могу позволить себе это. Зачем оставлять все богатство детям?

– Ха! – Гольд на мгновение прищурился. – И правда, зачем?

Два дня Свэггер вдыхал ароматы Тель-Авива, любовался видами, восхищался женщинами, наслаждался вездесущей атмосферой праздника, проводя время под девизом «Живи сегодняшним днем». Такое настроение, как он помнил, царило в Сайгоне, когда все понимали, что конец близок, и веселились на полную катушку. Наверное, в Трое дело обстояло примерно так же. Свэггеру нравилось пить гранатовый сок с содовой на веранде гостиницы: с одной стороны синело Средиземное море, с другой – виднелись невысокие горы, утыканные тысячами жилых домов, и над всем этим величаво садилось солнце. Сирены он слышал нечасто, взрывы – и того реже. Лицо его загорело, и походка сделалась разболтанной, как у местных.

Вечером третьего дня зазвонил телефон.

– Завтра в девять за вами заедут, – сказал незнакомец и повесил трубку.

И действительно, в девять утра у гостиницы остановился черный «ситроен» с мальчишкой-водителем.

– Мистер Свэггер?

– Он самый.

– Прошу.

Поколесив по улицам, автомобиль выехал в пригород. Через некоторое время Боб увидел матово-черное здание кубической формы, неумолимое, как декорация из научно-фантастического фильма. Он понял, что перед ним штаб-квартира «Моссада», шестиэтажная стеклянная постройка, рядом с которой всегда чувствуешь на себе чей-то взгляд, но знать не знаешь, что творится внутри.

Охранники тщательно изучили его документы, просветили все тело и даже проверили бирки на одежде. Мальчишка не отходил от него ни на шаг. Наконец он привел Свэггера в обшарпанный конференц-зал на шестом этаже, где ждали Гольд и другие официальные лица.

Гольд не потрудился их представить: разве важно, как кого зовут? Здесь были мужчины с бородой и без бороды, но лица у всех были одинаково угрюмыми. Похоже, за последние несколько лет эти люди разучились улыбаться. У каждого в руках была папка. Гольд, судя по всему, руководил всем.

– Сержант Свэггер, сейчас мы с коллегами зададим вам несколько вопросов. Это необходимо, чтобы убедиться в вашей честности и эффективно спланировать дальнейшую работу. Некоторые вопросы покажутся вам неприятными и даже возмутительными. Не исключая, что они действительно будут такими. Я попросил коллег распределить между собой роли адвокатов и прокуроров. Мы не намерены проявлять неуважение, поэтому прошу не обижаться на наши выпады. Особенно на выпады Коэна.

– А кто из вас Коэн? – спросил Боб.

– Коэн – это я, – ответил невысокий мужчина с дерзким взглядом и неопрятной эспаньолкой.

– По некоей загадочной причине наш директор терпит Коэна, невзирая на его ущербное чувство юмора. Возможно, держит его в качестве примера для остальных: мол, смотрите, во что может превратиться человеческое существо. Итак, начнем. Коэн?

– Эта миссис Макдауэлл... вы ее пялите? – спросил Коэн, и Свэггер сразу понял, во что вляпался.

– Нет, – ответил он.

– Когда-нибудь представляли ее обнаженной?

– Вы шутите?

– Какая у нее грудь, большая или маленькая?
– Понятия не имею.
– Вы бы назвали ее чувственной женщиной?
– Как по-вашему, горе – это что-то чувственное?
– Сколько людей вы убили?
– Ох. Слишком много. Не считал. Но любой из них имел возможность убить меня. И убил бы.

– Вам нравится убивать?
– Мне нравится стрелять. Это мое призвание.
– Вы помешаны на оружии?
– Я уважаю свои винтовки, и они служат мне верой и правдой. У нас в семье принято защищать общество с оружием в руках, и кроме того – я много об этом думал и пришел к однозначному выводу: стрельба приносит мне удовлетворение. Это дело моей жизни, и когда я подолгу не стреляю, мне кажется, что чего-то не хватает. Но я не занимаюсь сексом со своими винтовками.

– Вы затеваете все это, чтобы вдоволь настреляться, верно?
– Об этом я тоже думал. Возможно, вы правы. Но после службы в Корпусе морской пехоты я всегда и везде старался исправить ошибку или восстановить в правах кого-нибудь вроде себя, если этот человек совершил подвиг, о котором все забыли.

– Вы маньяк-убийца?
– Нет, я не псих. Меня всегда интересовало огнестрельное оружие и его возможности – а они, как и мои собственные, лучше всего раскрываются в самых чрезвычайных обстоятельствах. У меня нет потребности убивать, и я никогда не мечтал о том, что застрелю кого-нибудь.

Вопросы сыпались один за другим и на первый взгляд не были связаны между собой. Свэгтеру казалось, что он попал под перекрестный огонь. Как и предупреждал Гольд, самые неприятные вопросы задавал Коэн.

– Кто такой, по-вашему, снайпер: убийца или солдат?
– Солдат. Я никогда не убивал безоружных людей, я не получаю удовольствия от убийства, и мне за это не платят. Деньги мне приносит ветеринария, лечение лошадей. Обожаю этих животных. У моей супруги есть способности к бизнесу, а у меня – хорошая репутация, поэтому мы процветаем. Я человек обеспеченный, деньги мне не нужны.

– Миссис Макдауэлл вас чем-то зацепила. Чем именно?
– Своей болью. Мне доводилось терять близких людей в подобных обстоятельствах. Никто из них не заслуживал такой смерти, но иногда это случается – по недоброму капризу судьбы. В общем, ее боль мне знакома.

– Вы не считаете, что эти чувства могли затуманить вам разум?
– Нет, не считаю. Эта отважная женщина вполне реальна, как и ее боль. К тому же все, что она рассказала, – чистая правда.

– Зачем вы здесь?
– Я опасаюсь, что если она не увидит свет в конце тоннеля, то покончит с собой. Понимаю, что мы дошли – то есть она дошла – до той точки, где уже не обойтись без помощи государства. Нам нужны ресурсы, которыми мы не располагаем, и доступ к информации, которого у нас нет. Мы сделали все, что могли. Отправляясь в другую страну, миссис Макдауэлл всякий раз рисковала жизнью. Еще одно путешествие – и ее труп выудят из речки.

– Такое чувство, что это вы нас нанимаете, а не наоборот.
– Мне нужен Джуба. Остальное не имеет значения.
– Если мы решим работать с вами, – сказал Гольд, – вы должны будете принять наше условие: Джуба принадлежит нам, и наша цель не в том, чтобы всадить пулю ему в голову. Пользы от этого немного, если не вспоминать про Ветхий Завет...

– ...В который не верит никто из присутствующих, – подхватил Коэн. На сей раз послышались смешки.

– Наша цель в том, – продолжил Гольд, – чтобы побеседовать с ним по душам. Узнать о его прошлом. Джуба – загадочная персона, он способен раскрыть множество секретов. В случае успеха нашего предприятия мы будем его судить, после чего он отправится за решетку и проведет остаток жизни в израильской тюрьме. Если вы застрелите его без веских на то оснований, то пойдете под суд за убийство. Он пролил море еврейской крови, но мы не жаждем расправы. Мы жаждем правосудия. Понятно ли это?

– Да, понятно.

– Вы согласны с этим условием?

– Да.

– Мы не мстители. Мы профессионалы. И ожидаем того же от вас.

Ну вот, пожалуй, и все. Оказалось, допрос длился шесть часов. Боб проголодался. Несколько секунд мужчины за столом совещались с помощью кивков и прочих жестов, после чего Гольд озвучил условия делового соглашения со всеми бюрократическими формальностями вроде контрактов, материальных компенсаций, страховки и уведомления родственников.

– Вопросы будут?

– Есть один, – сказал Боб. – Почему вы решили, что это дело заслуживает внимания? Что это не фальшивка и не дурацкая затея каких-нибудь дилетантов?

– Пятнадцатого января две тысячи четырнадцатого года один израильский бизнесмен – наш тайный агент, хорошо известный многим в этой комнате, – собирался вылететь из Дубая. Когда он вышел на посадочную площадку, его застрелил снайпер. Стреляли издалека. Впечатляющий выстрел, весьма заковыристый.

– Почему?

– Этот человек, как и мы, был уверен, что у него безупречная легенда. Он провел в Дубае две недели, решал разные вопросы. Его могли убить несколько раз, сделав простой, верный выстрел с близкого расстояния. Мы понять не могли, почему снайпер тянул до последнего, усложняя себе задачу. Но миссис Макдауэлл ответила на этот вопрос, подняв транспортные накладные «Саут стар». У Джубы кончились патроны. Он отстрелял свою ежеквартальную квоту, а без «болгарина» в магазине он и с места не сдвинется. Патроны поступили тринадцатого числа, и Джуба тут же отбыл в Дубай. Получив свои излюбленные боеприпасы, он сделал выстрел, куда более сложный, чем хотелось бы. Пулю нашли. Это действительно была болгарская тяжелая пуля, хотя поначалу мы не придали этому особого значения. А теперь стало ясно, чем объяснялась задержка.

– Итак, миссис Макдауэлл опять оказалась права. У нее есть список убитых во всех уголках земного шара – ваших, наших, каких угодно. Джуба берется за любую работу.

– Он неразборчив, – заметил Гольд. – К сожалению, нередко стреляет в наших людей. С завидным успехом. Впрочем, вы и сами знаете.

– Значит, у вас тоже накопились долговые расписки?

– Не то слово. Обычно от Коэна нет никакого толка, но сейчас он расскажет вам про автобус.

Глава 5

Израиль, 14 июня 2015 года. Автобус

– Это непростое задание, Джуба, – сказали ему. – Бомбы уже не творят чудес. Взорви две-сти пятьдесят человек на рынке, и никто не заметит. Такое событие даже не попадет в западные выпуски новостей. Нам нужно что-то острое, необычное, чтобы эти сволочи к нам прислушались. И поняли, что нельзя о нас забывать, ни на секунду.

– Слушаю и повинуюсь, – как обычно, ответил Джуба.

Ему рассказали о политическом аспекте ситуации, хотя Джуба не интересовался политикой и не разбирался в ее хитросплетениях. Американцы хотят начать диалог с иранцами, и если они сумеют заручиться поддержкой муллы, это событие станет большим праздником для всего западного мира. Все решат – справедливо или нет, – что дело сдвинулось с мертвой точки. Однако нельзя допустить переговоров без участия ИГИЛ³: возникнет впечатление, что такие встречи способны привести к «решению вопроса», хотя решением вопроса может быть лишь полное уничтожение сионистского государства и его граждан. Именно так велит Аллах. Так, и никак иначе.

Необходим акт крайней жестокости, чтобы потрясти мир, преподать наглядный урок, спровоцировать международное напряжение и сорвать переговоры. Руководство рассмотрело множество вариантов, но все были трудноосуществимы с логистической и конспиративной точек зрения.

Только Джуба – единственный специалист высочайшего класса – способен выйти на позицию, нанести удар и бесследно исчезнуть. Тогда не придется тратить ресурсы, рисковать агентурной сетью, подключать к задаче множество людей. Вот она, магия Багдадского снайпера.

– Знаешь, что пугает их больше всего? Мысль о том, что они умрут по очереди, один за другим. Взрыв не разбирает, кто есть кто. В нем нет харизмы. Он обезличен, как погода: подумаешь, налетел ураган, ну, бывает. Но снайпер плотно работает с каждой целью. Все они – самовлюбленные нарциссы. Одно дело – пасть жертвой обстоятельств, и совсем другое – знать, что на смерть обречен именно ты, а не кто-то иной. Это надолго им запомнится.

– Понимаю, – кивнул он.

Оба путешествия подошли к концу: и плавание в трюме древнего грузового корабля, и тряска по улицам Газы, когда он сидел, скрючившись, в отсыревшей трубе и понимал, что его в любую минуту может схватить израильская служба безопасности. Но он все же добрался до Земли обетованной.

В безымянной негевской деревушке, неподалеку от КПП Эрез, он пересел в старенький автобус и уплатил шекель за проезд. В автобусе было полно народу, но он пробрался в заднюю часть салона и нашел, где сесть. Никто не обратил на него внимания. С какой стати рассматривать его? Он такой же, как и все остальные.

На нем были кое-как намотанный тюрбан, свободный халат и шейный платок – традиционный наряд тружеников Ближнего Востока. Мешковатые штаны, сшитые немало лет назад, сменили много владельцев, а у обуви имелась своя родословная, не менее богатая. Он был безымянным арабом, не ведающим иной реальности, кроме собственной веры. Один из миллионов. Может, у него есть жена и семья, или были когда-то, но в неустанных трудах он поза-

³ ИГИЛ – Исламское государство Ирака и Леванта, запрещенная в России террористическая организация.

был и о жене, и о семье. Эта или та сторона ограды – без разницы, проволока везде колючая. Он обречен переезжать с места на место, искать отдохновение в вере или запретных удовольствиях. Ему некуда податься, ему нигде не рады. Такому человеку остается надеяться лишь на Аллаха и следующую жизнь, поэтому для него не существует ничего и никого, кроме Аллаха.

Автобус тащился по пустыне Негев, делая остановки в безымянных деревушках. Пустыня здесь бескрайняя, но не такая безжалостная, как в других местах, где нет ничего, кроме выжженной земли, беспорядочно испещренной высохшими каменистыми руслами. В таком месте быстро умрешь – если, конечно, не знаешь, как выжить. Здесь, однако, уже имелась какая-никакая цивилизация. Море рядом, евреи понастроили свои кибуцы, живут себе припеваючи, плодятся, размножаются и ведут хозяйство, а на землях похуже горбатятся арабы, выращивают пшеницу и финики, климат хороший, так что и пшеница, и финики созревают вовремя. Еврейские патрули ездят на джипах с пулеметами: городские юнцы служат всего по несколько лет. Ничего не видят, слепцы, ничего не ведают. Для них армия – пустая трата времени, поскорей бы отслужить и заняться каким-нибудь прибыльным делом.

Но Джуба не слеп. Джуба знает, что здесь творится. Он двадцать лет прожил в таком же аду, правда в другой стране. Один из многочисленных детей деревенского старосты, неграмотный, получавший тумаков за любой проступок, не знавший ни отцовской, ни материнской любви – любить детей им было некогда, каждая секунда на счету. Жил как пес, жрать было нечего, а по телевизору – даже в беднейших домах обязательно был телевизор – показывали искаженный помехами другой мир, недоступный и прекрасный.

Жизнь его зависела от пшеницы. С восьми лет он работал в поле: никакой механизации, лишь цеп и мотыга, извечная борьба феллаха за жизнь, пальцы исколоты в кровь, ты нагибаешься за колосьями, пока не скрутит спину, в колени въелась грязь, над головой стоит беспощадное солнце, отец подгоняет: «Давай шевелись, тля, не рассусоливай, не то с голодудохнешь, а жить-то небось хочется!»

Нет ничего, кроме истинной веры, только она приносит утешение. Если углубиться в суры Корана, ясно видишь, что в жизни есть смысл и порядок. Лишь в медресе он чувствовал себя человеком, старался изо всех сил, из кожи вон лез, лишь бы заслужить благословение Аллаха. Оказалось, у него был живой ум, и кто-то из учителей однажды сказал, что у одного лишь Джубы есть шанс сбежать из мира, в котором нет будущего.

– Ты умен, – говорили ему. – Далек пойдешь. Вырвешься из этого небытия.

– На все воля Аллаха, – отвечал он и верил, что так и будет.

Когда ему исполнилось восемнадцать, пришла повестка: на два с половиной года его заберут и обучат какому-нибудь военному ремеслу. Может, в этом его будущее? Может, армия откроет ему глаза и он узнает, что его удел – не пустая возня на земле, а нечто иное?

Ничего подобного. В арабской армии призывник из деревни, неотесанный невежда, – самое бесправное существо. Снова насмешки, побои, проклятия и постоянное чувство голода. Сержанты потешались над ним, офицеры не обращали на него внимания. Он был человеком-невидимкой, и Аллах не слышал его молитв.

Пока у него в руках не оказалась винтовка.

Глава 6

Черный куб

– Он сириец, – говорил Коэн. – Суннитский крестьянин по имени Аламир Алакв, пишите как угодно, хоть через черточку, хоть слитно, нам без разницы. Семидесятого года рождения. Вырос на севере, в сотне миль от Алеппо, на узкой полоске пахотных земель. Семья выращивала пшеницу. До восемнадцати лет ничем не отличался от остальных. Говорят, он никогда не упоминает об этом времени, но представить можно: работа в поле, пять намазов на день, вечное рукоприкладство, а иногда издевательства похлеще побоев, один из многих детей в небогатой семье из деревни Тарку. Для отца, да и для остального мира, он был лишним ртом. Вот, собственно, и все.

– Если, – добавил Гольд, – вы представляли себе идеализированный образ всемирно известного ассасина, человека воспитанного и образованного, спешу вас разочаровать. Этот молодец – джихадист до мозга костей, крайне одаренный стрелок и бессердечная скотина.

Боб кивнул. Та чушь про снайперов, которую крутят в кино и на телеэкранах, далека от истины. Мало кому известно, что настоящий специалист – замкнутый человек, всецело преданный искусству стрельбы, всегда поступающий согласно своему мировоззрению, в случае Джубы – согласно его вере. Но Боб это понимал. И знал, что такого противника нельзя недооценивать.

– Его талант проявился в армии. Джуба настолько хорошо стрелял из шестидесятилетнего персидского «маузера», что его немедленно отправили учиться на снайпера. Впервые в жизни он понял, что отличается от других, и полностью посвятил себя стрельбе во имя Аллаха. В снайперской школе под руководством саудовских наемников, которые учились у американцев, у «зеленых беретов», он добился выдающихся успехов. Его выделили из общей массы, он быстро продвигался по службе. Наконец-то стал есть досыта и заметил, что старшие смотрят на него с уважением. Впервые в жизни почувствовал себя человеком. Мы считаем, что он начал проливать кровь в девяностом году, но это не была кровь неверных. Первыми его жертвами были единоверцы. Асад-старший был прагматиком, и Сирия вступила в антииракскую коалицию, созданную для освобождения Кувейта. С тех времен не сохранилось ни документов, ни рассказов о легендарном сирийском снайпере. Однако, учитывая его амбиции, логично предположить, что он проверил свои силы. Мы уверены, что его стараниями в Ираке прибавилось вдов. Парадокс состоит в том, что в начале своего пути он воевал против тех самых людей, которым впоследствии будет преданно служить.

Но настоящего опыта, по словам Коэна, он набрался в девяностых, когда сирийский министр обороны взялся за искоренение всякой оппозиции Асаду и партии Баас. Мустафа Тлас был заурядным генералом, посредственным политиком, умелым подхалимом и первоклассным спецслужбистом. Под его чутким руководством снайперы перестреляли всех конкурентов старины Асада – это было значительно проще, чем арестовывать, их допрашивать, сажать за решетку и казнить по решению суда. Тяжелый «болгарин», выпущенный с четырехсот метров, решал проблему раз и навсегда.

– В двухтысячном, – продолжал Коэн, – старина Асад умер, и президентом стал его второй сын, которому посчастливилось выжить, – офтальмолог, человек без подбородка, чести и совести.

– Что стало с первым сыном? – спросил Боб.

– Не задавайте лишних вопросов, и нам не придется вас обманывать, – заметил Гольд.

– Вот это объяснение, – хмыкнул Боб.

– Первым делом Асад номер два хочет восстановить отношения, испорченные его папашей в девяностом году, когда войска международной коалиции вошли в Кувейт. Поэтому в две тысячи третьем, после разгрома иракской армии и оккупации страны, он отправляет туда военных советников для организации восстания. На тот момент у Асада была самая большая армия на Ближнем Востоке, обученная и экипированная по высшему классу. Вместе с техническими специалистами и экспертами по тактике ведения боевых действий в Ирак отправляется сама Смерть в лице сержанта Алаквы.

– Судя по всему, из него изначально не планировали делать культовую фигуру, – добавил Гольд. – Но руины Багдада оказались прекрасным полигоном для демонстрации его мастерства, а из побежденных солдат Республиканской гвардии Ирака получились весьма мотивированные ученики: обстрелянные, агрессивные, бесстрашные парни. Самая худшая разновидность патриотов, такие готовы убивать и умирать и по большому счету не видят разницы между смертью врага и своей собственной. Если хотите, можем привести цифры и процитировать рапорты морских пехотинцев...

– Знакомые уже ввели меня в курс дела, – перебил его Боб.

Ему неприятно было думать об этом. Мальчишки из Корпуса были годными пехотинцами на войне по-американски, когда стоит сказать пару слов в рацию и тебя тут же поддержат с воздуха. Но в каменных джунглях разрушенного города, где непонятно, что делать и куда бежать, где противник прекрасно знает все укромные уголки, эти ребята – по крайней мере, первая партия – стали призами в ярмарочном тире.

Одним из этих призов оказался Том Макдауэлл. Боб кисло поморщился.

– По сравнению с Иводзимой Багдад – это сущий пустячок, – сказал Гольд. – Но, разумеется, Америка, Израиль и Европа не желали нести потери в живой силе, пусть и незначительные. Когда число погибших начало увеличиваться, родители стали бить тревогу, и журналисты обратили на это внимание. Отсюда следует вывод о том, что реальная политика определяется демографическими соображениями.

– Но нам удалось остановить эту волну, ведь так?

– Благодаря контрразведчикам Корпуса, блестящим стратегам и аналитикам, снайперское подразделение сержанта Алаквы уничтожили за несколько часов. Сам он чудом избежал смерти, но убил многих, отточил свои навыки и прослыл героем в радикальных кругах. Его охотно нанимают на работу, предлагая щедрую оплату, а главное, интересные задания. Вернувшись домой, он уволился из армии и подался к радикальным исламистам. Действовал в Афганистане, Африке, Индии, даже на Филиппинах. В основном работает на Тегеран, но и родную страну не забывает. В две тысячи пятом премьер-министр Ливана – на тот момент страна была оккупирована сирийцами – попер против старины Тласа и Асада номер два. Четырнадцатого февраля того же года его взорвали в собственной машине. Никто понять не мог, как убийцы подвели к взрывчатке провод, а на самом деле провода не было. Использовать дистанционный взрыватель в городе весьма сложно, там полно радиосигналов. Вместо этого под асфальт заложили двадцать кило «Семтекса», оставив снаружи детонатор с высоколетучим соединением – трихлоридом азота или нитратом серебра. Возможно, замаскировали его под кучку собачьего дерьма. Когда машина оказалась над взрывчаткой, Джуба, уже известный под этим именем, пустил в детонатор тяжелую болгарскую пулю, и бомба сработала. Отличный выстрел с трехсот ярдов, мощный взрыв, двадцать две сопутствующие жертвы. И наконец, – Гольд перешел к главному, – случай с автобусом.

Глава 7

Окраина Тель-Авива.

15 июня 2013 г.

Низкорослая лошадка старого араба катила тележку по улицам Герцлии, зеленого пригорода с красивыми ухоженными домиками и роскошными небоскребами с видом на море, обиталища израильского среднего класса. Здесь жили юристы, инженеры, стоматологи, врачи разных специальностей – люди, не знающие бедности, войны и гнева исламистов. Тележку дважды тормозили полицейские патрули, и старик предлагал им остатки фруктов. Все смеялись, а один новобранец угостился спелым бананом. Полицейские проверяли документы, осматривали тележку, предупреждали, что в этот поздний час нужно сидеть дома, и желали доброго пути.

Где-то между улицей Яфет и бухтой Гармонии тележка свернула к тротуару. Из-под нее выскользнула тень и тут же откатилась поглубже в кусты. Старик продолжил свое неспешное путешествие к главной дороге. Наконец его тележка растворилась в лабиринте арабских кварталов.

Он лежал в кустах не меньше часа и ни разу не шелохнулся. В таких делах все зависит от терпения. Возможно, его местоположение раскрыли. Возможно, все это – хитроумная уловка израильтян. Возможно, его схватят и будут пытаться, а пыток не выдерживает никто, и рано или поздно он все расскажет. Проникнув на землю сионистов, он рисковал всем, что у него было, ведь для них он – мишень номер один.

Но ничего не произошло. Бойцы спецназа так и не объявились. Пару раз мимо проезжали автомобили – сперва «БМВ», потом «мерседес». Хлопнули дверцы, жена принялась выговаривать мужу за то, что поздно вернулся. Больше ничего.

Наконец он убедился, что угрозы нет, и скользнул глубже в заросли. Местность была ему знакома, но лишь по картам и фотографиям, а они, как всегда, значительно отличались от действительности. Ночь здесь была темнее, деревья стояли теснее, дерн оказался совсем рыхлым. Сильно пахло цветами и морем. Он принялся ощупывать почву и через секунду почувствовал легкий приступ паники. Что, если ее нет на месте? Что, если он ее не найдет? Что, если у него ничего не получится? Что, если?...

Но еще через секунду все вопросы отпали сами собой. Пальцы нащупали искомое под дюймовым слоем земли. Он вытащил предмет на траву, придвинул его к себе, не глядя расстегнул молнию и достал из чехла оружие, защищенное плотной тканью. Пальцы сомкнулись на снайперской винтовке Драгунова, очертания которой он знал в мельчайших подробностях. Самозарядная русская зверюга под царский патрон 7,62 × 54R: такими воевали еще в Русско-японской войне, больше ста лет назад. Он знал «дракона» как свои пять пальцев, влюбившись в него много лет назад, с первого взгляда. Насколько же «Драгунов» приятнее неуклюжего и трескучего «Калашникова»!

«Дракон», один из лучших в его коллекции, был собран вручную из деталей, найденных на полях сражений: румынская ствольная коробка, польская ложа и русский ствол. Эту модель повсеместно величали «драконом», хотя название не имело никакого отношения к мифическому существу. Дело в том, что у русских есть прозаическая привычка называть огнестрельное оружие именем конструктора, а разработкой этой модели руководил Евгений Драгунов. Винтовка Джубы была доведена до совершенства: шептало доработано напильником, пружина

укорочена, чтобы снизить вибрацию, ствол вычищен так, что в нем не осталось ни единой молекулы, все собрано заботливыми руками, каждый винтик затянут так, чтобы обеспечить максимальную точность. Идеальная винтовка. К тому же ее никак не отследить и поэтому при необходимости можно бросить на месте.

Прицел «ПСО-1» – разумеется, русский – высочайшего качества. Надежно стоит на планке крепления, идеально настроен, так что в рабочей позиции окажется прямо перед ведущим глазом. Он прижал винтовку к себе, правой ладонью обхватил знакомую пистолетную рукоятку, безжалостно вогнал приклад в выемку между плечом и грудью. Левая рука, согнутая в локте, легла под винтовку, левая ладонь обхватила деревянное цевье, но не крепко, ибо в азарте снайпер может стиснуть его так, что оно коснется ствола и нарушит идеальное равновесие системы. Он поерзал, поелозил, повертелся на земле, как делает любой стрелок в поисках оптимальной позы, чтобы оружие упиралось не в мышцы, а в кость, раскинул ноги и слился с планетой. С десяток раз вскинул винтовку, убеждаясь, что он нашел естественную точку прицеливания. Проверил электронику прицела: прицельную сетку, светящуюся красным в ночной темноте, угольник, указывающий на точку контакта пули с целью, простенькую шкалу боковых поправок, перевернутую дугу дальномерной шкалы с восемью делениями для определения расстояния до цели на примере шестифутовой человеческой фигуры, хотя в этот день дальномер ему не понадобится, ведь он уже выставил угольник на двести тридцать четыре метра – столько, сколько нужно для выполнения задачи.

После этого он приладил глушитель, тоже подобранный на поле боя. Наверное, его нашли вместе с М40 какого-нибудь морпеха и сняли с дула покореженной взрывом винтовки, чтобы обернуть эту вещь против тех, кто ее изобрел. Трубка отличного качества, похожая на раковину наутилуса: длина восемь дюймов, несколько камер, соединенных друг с другом крошечными отверстиями. После выстрела газы вырываются из дула со сверхзвуковой скоростью, но тут же попадают в глушитель и начинают циркулировать из камеры в камеру, теряя почти всю энергию. Результат можно измерить в децибелах с помощью хитромудрого электронного приспособления, но цифры не имеют значения. Главное, что гасится звук выстрела: не до киношного «пц!», а до обычного щелчка, словно дверь закрыли на замок. Звук довольно громкий, но такой обыденный, что никто не обращает на него внимания. Муфту для крепления этого «Джемтека» к дулу СВД разработал один из талантливых оружейников Исламского государства.

Джуба наживил глушитель и крепко затянул его, сунул руку в чехол, нашел нужную молнию, расстегнул, достал три магазина – в них лежало по десять болгарских патронов, снаряженных тяжелой пулей с желтой цветовой маркировкой. В снайперском деле мелочей не бывает. Каждый из этих тридцати патронов тщательно отобрали, взвесили, измерили, проббили по документам и убедились, что все они изготовлены в соответствии со строжайшими стандартами качества. Другими словами, это были лучшие патроны массового изготовления. Он положил два магазина справа от себя, чтобы те были под рукой, присоединил третий к винтовке – раздался щелчок, – потянул затвор на себя и вернул его на прежнее место. Патрон в патроннике, курок взведен, все готово.

Он расслабился, чтобы тело слилось с землей, легкие напитались кислородом, сердце вошло в спокойный ритм. Мысли его были заняты техническими тонкостями. Он не собирался обдумывать нравственную сторону дела, ведь в первую очередь это было лишь очередное упражнение в стрельбе; он знал, что Аллах послал его на землю с единственной целью – убивать неверных, и еще он знал, что его деяния благословенны.

Чтобы окончательно расслабиться и достичь наивысшей концентрации, он стал молиться: «Хвала Аллаху в Его мудрости, великодушии, милосердии, хвала Ему, защитнику и благодетелю в испытаниях тяжких, хвала Его словам, донесенным до меня Его муллами, хвала трени-

ровкам, хвала опыту, хвала моей воле, хвала моей вере в Него, хвала тому, что будет, и пусть это будет хорошо».

Он повторял заклинание снова и снова. Наконец дыхание выровнялось, зрение обострилось, руки успокоились, нервная система восстановилась, и ему стало все равно, сколько минуло времени: час, день или месяц.

Когда он вышел из молитвенного транса и открыл глаза, было уже светло. Наступило утро, но было еще очень рано. То и дело по улице проезжал седан – «БМВ» или «мерседес». Пешеходов не было. Ясное, голубое небо подсвечивалось восходящим солнцем, но нужный участок дороги – небольшое возвышение в двухстах тридцати четырех метрах от позиции – оставался в тени. У дороги появились жители одного из красивых домов: женщина в домашнем халате и мальчик с портфелем. Казалось, они возникли из ниоткуда. Значит, пора.

Джуба придвинул к себе винтовку, снова поерзал, чтобы тело приняло нужное положение, поставил руки под правильным углом, чтобы стояли как влитые, включил «ПСО-1» и прижал резиновый наглазник к ведущему глазу, чтобы мир увеличился в четыре раза. Прицельная сетка ярко светилась на фоне нужного участка дороги.

Он ждал, не пытаясь совладать с легкой дрожью угольника из-за пульсации в груди и произвольных сокращений мускулатуры, и смотрел, как на возвышение взбирается – неторопливо, с достоинством – школьный автобус. Сперва появилась желтая крыша, потом – темное ветровое стекло, за которым виднелся силуэт водителя на фоне окошка в двери запасного выхода. Тоннельный эффект.

Такие автобусы разъезжают по дорогам всего мира: длинные, с капотом как у грузовика, плоским ветровым стеклом и аэродинамикой кирпича. Они предназначены для неспешной транспортировки самого ценного груза на свете.

Автобус остановился там, где и должен был остановиться. Чтобы открыть дверь, женщина за рулем потянулась к рычагу, и Джуба застрелил ее.

Пуля расколола ветровое стекло, тело обмякло на сиденье, гильза вылетела из ствольной коробки «дракона», Джуба вдохнул едкий запах старого болгарского пороха – слаще амброзии – и прицелился в мать. Та застыла у автобуса, ничего не соображая из-за шока, а потом инстинктивно бросилась к ребенку, чтобы закрыть его своим телом, но Джуба опередил ее на долю секунды, выстрелил ей в голову, и женщина исчезла в облаке плазмы, превратилась в кляксу на девственно-чистом полотне нового дня. Дитя, отродье неверных, растерянно стояло на месте, и Джуба выстрелил ему в грудь. Тельце содрогнулось, тяжелая пуля отшвырнула его в сторону.

Взглянув на ветровое стекло, он увидел, что к мертвой женщине на водительском сиденье подбежал какой-то юный герой. Джуба спустил курок, и героя не стало. Дети в салоне запаниковали, вскочили с мест, отчаянно бросились к выходу, солнце в окошке запасной двери подсвечивало их силуэты, и они были как на ладони, и Джуба, направляя угольник прицела на эти силуэты, убивал детей, одного за другим. Через какое-то время в ветровом стекле образовалось множество пробоин, и рассмотреть, что творится в автобусе, стало невозможно, но Джубе достаточно было засечь движение, и он стрелял, пока возня в салоне не прекратилась. Выпустив десять пуль, он сменил магазин: верхний патрон сдвинулся вперед на четверть дюйма, нужно было вернуть его на место, но перчатка зацепилась за край магазина, и Джуба тут же стряхнул ее, разобрался с коварным патроном, нажав на него большим пальцем, сноровисто примкнул магазин и заметил, что из автобуса сбежала девочка. Она неслась к деревьям, собираясь укрыться за ними, но Джуба оказался быстрее.

Семнадцать выстрелов спустя все было кончено. Никто не двигался. Никого не осталось.

«Хвала Аллаху. Хвала Ему, кто благословил священное дело мое, позволил довести его до конца и сделал так, что труды мои увенчались успехом».

Глава 8

Черный куб, шестой этаж.

Наши дни

Он смотрел на фотографии, сделанные рядом с автобусом. Три мертвых тела: два – на тротуаре, одно – на обочине. Лобовое стекло усеяно сверхновыми звездами пулевых отверстий, капот автобуса и асфальт усыпаны осколками.

На снимки, сделанные в автобусе, он смотреть не стал. Какой в этом смысл?

– И вы хотите с ним побеседовать? – спросил он. – Знаете, на вашем месте... Ну кто я такой, тюфяк из Арканзаса, но на вашем месте я бы освеживал его заживо, а шкуру скормил бы свиньям у него на глазах.

– Увы, – заметил Коэн, – свиней мы не держим. У нас еврейская страна.

– Тогда скормил бы псам, – сказал Свэггер.

– Похвальный энтузиазм, – кивнул Гольд, – но секреты Джубы для нас гораздо важнее, чем его шкура. Кого он способен опознать? На кого работает? Кто отдает ему приказы, обеспечивает логистику, доставку на место и эвакуацию? Кто занимается планированием, реализацией, связью? Какие официальные лица стоят за ним? Что ему известно о других операциях? И пожалуй, главное: откуда к нему поступают такие большие средства?

– У вас есть его фото? Или ДНК? Если нет, как вы его опознаете? На вид он вряд ли отличается от любого парнишки по имени Мухаммед.

– Снимка у нас нет, – сказал Коэн, – и ДНК тоже. Зато есть прекрасный отпечаток большого пальца правой руки. Мы считаем, что это палец Джубы. Его сняли с гильзы, обнаруженной на месте побоища. Джуба не позволил бы никому заряжать свою винтовку. Обычно с оружия и боеприпасов не удается снять отпечатков, но на этой гильзе было немного масла, поэтому и остались следы. Наверное, Джуба торопился и допустил ошибку.

– Кстати, план сработал? Ему удалось сорвать переговоры?

– Нет, не удалось. В тот день американцы оказались на редкость расторопными. Еще до того, как на место прибыли бригады экстренного реагирования, ваш президент позвонил нашему премьер-министру и настоятельно попросил взять ситуацию под свой контроль. Пресса у нас стоворчивее вашей, так что никакой бойни с невинными жертвами не было. Была стрельба в пригороде. Число погибших не разглашалось, всех похоронили без присутствия репортеров. Никто не произносил громких речей. Мертвых оплакали в частном порядке. Разумеется, поползли слухи, но их всегда предостаточно, на то они и слухи. В итоге ваш Госдеп получил нужную подпись, и все сделали вид, что в мире стало спокойнее. Так устроена жизнь, мы прекрасно все понимаем. Для разнообразия соглашусь с Коэном: мы – всего лишь еврейская страна, причем небольшая. Тут уж ничего не поделаешь.

– Все равно я голосую за собак, – сказал Свэггер. – И что теперь? Вам хватает информации? Если да, как скоро вы способны взяться за дело? Кто дает отмашку? Тот, кто сидит в этой комнате, или вам нужно спрашивать разрешение у политиков? А тем придется учитывать с десяток факторов, которые вы не контролируете.

– Вне всяких сомнений, нам понадобятся сторонние консультации.

– А Джуба тем временем что-то почует. Он же знает, что многие интересуются его персоной. Понимает, что безопасность – штука относительная. Возьмем, к примеру, бен Ладена: он

ушел в тень, а однажды в полночь к нему наведалься Санта со своими оленями. Я крепко дружу кое с кем из этих ребят. Усаму так наштиговали свинцом, что даже не стали привязывать груз, когда сбрасывали тело за борт. И Джубе об этом известно. Он сидит на тревожном чемодане и готов скрыться в любой момент.

– Мы в курсе, – сказал Гольд.

– И поэтому мы прохлаждаемся в этой комнате?

– Именно так.

– Ждем данных радиоразведки? Вы уже определились с его местонахождением и теперь выискиваете конкретику?

– Да, но все не так радужно, как хотелось бы.

– Так что у вас творится? Или я чересчур обнаглел со своими вопросами?

– Спросите у Коэна, – сказал Гольд.

– Мистер Коэн?

Тот промолчал.

– Коэн любит тянуть кота за хвост. Так он привлекает к себе больше внимания.

– Мистер Коэн, – сказал Боб, – поймите, мне семьдесят два года. Меня на том свете с фонарями ищут, так что выкладывайте, пока я не умер от старости.

– Верно подмечено. Нужно взглянуть на участок площадью в одну квадратную милю с центром в городе Ирия. Это в Южной Сирии. Разумеется, не лично, а с помощью спутника. Наш называется «Тексар». Говорят, он очень современный. Разведданные будут переправлены в это здание, где их изучением займутся эксперты. Будут спорить о них, как раввины, и в конце концов решат, на какие места обратить внимание. Туда отправятся беспилотники. Они летают ниже спутников, так что фотографии с них будут четче. Беспилотники вернутся на базу, снимки распечатают, и те же самые эксперты снова сядут смотреть, что к чему.

– И когда это произойдет? – спросил Боб.

– Вчера, – ответил Коэн.

Чтобы привыкнуть к освещению, понадобилось какое-то время. Они сидели в темном, тихом, чистом и безликом помещении с дешевой офисной мебелью в стиле пятидесятых годов. Кондиционер работал так, словно это была не комната, а холодильник для мяса. За столом расположились Коэн, Гольд и какой-то человек, молчаливый и еще более угрюмый, чем эти двое. Все терпеливо ждали, в то время как Боб изучал лежавшую перед ним пачку фотографий двадцать на двадцать дюймов, время от времени вооружаясь ювелирной лупой. Снимки были здоровенные, и работать с ними оказалось неудобно.

– А можно вывести все это на экран? – спросил наконец Боб. – И пощелкать мышкой там, куда мне надо смотреть? Как в кино?

– Этих технологий у нас пока нет. Они заложены в бюджет на будущий год. И так уже лет десять. Всегда мешают непредвиденные расходы.

– Ну ладно, – сказал Боб, – на нет и суда нет.

Поначалу он видел лишь темные и светлые пятна с белыми полосками, то сплошными, то прерывистыми, а еще черные участки, похожие на заплатки, и время от времени – группы квадратов, больших и поменьше. Короче говоря, полная абстракция. В углу каждого снимка был компас, указывавший на север, а внизу – дата и время, высота съемки, широта, долгота и еще какая-то непонятная информация.

– Беспилотник – полезная штука, – сказал Гольд. – Летает высоко, невооруженным глазом не видно, даже если ты сам Джуба, но фото делает с приличным разрешением. Время над целью – шесть часов, по паре дронов на каждую точку, как только мы решили, что снимки с «Тексара» представляют для нас интерес. Вот эти сделаны несколько часов назад. Возможно,

наш добрый друг сержант Свэггер разглядит то, что ускользнуло от внимания других толкователей.

Боб снова просмотрел фотографии, потихоньку начиная понимать, что на них изображено. Полоски – это дороги, пятна – поля, заплатки – поросшие лесом холмы, квадраты – дома, квадраты поменьше – подсобные строения, прямые линии – ограды, разделяющие участки пахотных земель. Он остановился на двух снимках, внимательно сравнил их, положил один в стопку и сказал, указывая на другой:

– Вот этот.

Коэн взглянул на распечатку:

– А-четыре-пять-один-один, в семи милях к северо-востоку от Ирии, в двух милях от того, что в Южной Сирии называют главной автомагистралью. Почему именно этот, сержант Свэггер?

– Я высматривал стрельбище. Джуба наверняка упражняется в стрельбе, причем каждый день. Это очень педантичный и дисциплинированный человек. Ему необходимо открытое пространство, как минимум триста ярдов, а то и больше. Еще одна важная подробность – это солнце. По возможности он будет делать выстрелы с севера на юг или с юга на север, чтобы не терять пару часов на рассвете и закате. Плюс ветер: всегда удобно, если есть где от него укрыться. Если поднимется сильный ветер, придется пропустить целый день, а Джуба не может себе этого позволить. Этот участок подходит по всем критериям.

– Продолжайте, пожалуйста.

– Еще кое-что: стандартное обустройство стрельбища. Нужен стенд или хотя бы бетонная площадка, чтобы было где лечь и куда поставить сошку. А на дальнем конце, за мишенью, – земляной вал, естественный или сделанный с помощью бульдозера. Джубе нужно видеть промахи, анализировать их, вносить коррективы. Он должен знать, куда уходит пуля относительно мишени. Вот для чего земляной вал: чтобы при попадании был фонтанчик пыли. Дальше, сама мишень. Готов поспорить, у Джубы она стальная и при каждом попадании говорит «дзынь». Вряд ли он хочет отрываться от стрельбы, брать бинокль и делать пометки карандашом в блокноте. Может, у него там устройство с выводом на телевизор или компьютерный монитор, но в тех местах вряд ли есть такие технологии. В южном углу этой... не знаю, как правильно назвать... я вижу какую-то конструкцию. Разрешение плохое, но похоже, это именно рама для стального листа. Скажите, а приблизить можно?

– Позже выясним. Продолжайте, пожалуйста.

– С другой стороны – ровная поверхность, как будто специально разгладили. Бетона нет, но там явно прошлись грейдером, убрали траву, укатали землю. Наводит на мысль о нашей цели, хотя участок узкий.

– Совсем узкий, – согласился Гольд.

– Но ему много и не требуется. Обычно мы представляем стрельбище как широкую площадку, но их устраивают для тренировки солдат или полицейских, для состязания охотников, когда одновременно стреляют несколько человек. Джуба один, и ему нужна прямая линия, а что по бокам, уже не важно. Если ищите поле для стрельбы, можете бросить эту затею. Искать нужно прямую линию. Думаю, там нет никаких норм и правил, поэтому Джуба может стрелять через дорогу или даже через чужой участок. Стрелок он отличный и вряд ли попадет в какого-нибудь крестьянина. Да, от несчастного случая никто не застрахован, но Джубу это волнует меньше всего. Повторяю, если увеличить разрешение, я смогу заметить признаки стрельбы из положения лежа или отметины от колесиков передвижного стрелкового стенда. С такой высоты ничего не разобрать. Если нужна полная уверенность, пусть ваши дроны пролетят пониже. Или поставьте на них камеры получше.

– Что-нибудь еще? Температура, влажность, солнечные зайчики, поправки на вращение Земли?

– Вряд ли. Это ведь не стрельба по бумажкам, когда стараются уложить пять пуль одна в одну. Он стреляет по людям. Ему нужно попасть в грудную клетку, повредить сердце, легкие, позвоночник или селезенку, так что его зона поражения – квадрат восемнадцать на восемнадцать дюймов. Стрелять точнее нет необходимости.

– Как насчет стрельбы по ночам? Он пользуется прибором ночного видения?

– Только не на большом расстоянии. Такие приборы годятся для пары сотен ярдов, не больше. Для снайпера в городе – самое то, но Джубе нужна дальность. И это меня тревожит, причем сильно.

– Почему?

– Он тренируется в стрельбе издалека – с расстояния, не закрытого службой безопасности. И даже из-за пределов досягаемости обычной пехоты. Такое нужно не для войны, а для убийства. Думаю, последний выстрел – тот, в Дубае, – был для Джубы новым этапом в карьере. Он учится стрелять без предварительной подготовки. Задача не из простых, скажу вам. В Афганистане результативный выстрел, скорее всего, был последним в серии, или же снайпер пристрелялся к месту днем раньше. Но при работе с важной целью в мирной обстановке Джуба не может позволить себе серию выстрелов. Даже если на винтовке есть глушитель, он тут же выдаст свою позицию и через пару секунд ему ответят по полной программе, всей королевской ратью, вертолетами и спецназом. Поэтому он учится делать один-единственный выстрел с холодного ствола. Вот еще одно преимущество земляного вала.

Все присутствующие тяжело сопели, обдумывая эту тираду. Наконец Коэн подал голос:

– Спрошу еще раз: вы окончательно определились с этим снимком? У вас нет ни малейших подозрений? Ни тени сомнения?

Боб постучал пальцем по А-4511:

– Здесь ваша ягодка, здесь. Я только что перечислил необходимые условия для тренировки снайпера, и тут всё есть. Взгляните на юг: там сделали вал, то ли бульдозером, то ли экскаватором, чтобы стрелок видел фонтанчик пыли в том месте, куда попадает пуля. Расстояние вам известно? Я бы сказал, что здесь около тысячи ярдов.

– Примерно, – кивнул Коэн. – Если точнее, тысяча двадцать семь.

– Раз вы моментально уточнили, значит над снимком уже потрудились ваши специалисты. Тоже выбрали этот участок и рассчитали точную дистанцию.

– Сержант Свэггер не дурак, – сказал Коэн. – Ничего не упускает. Что ж, продолжайте.

– Тысяча ярдов. Для боевого столкновения очень дальний выстрел, для современного снайпера – не особенно. В Афганистане дистанции были посерьезнее, гораздо больше тысячи ярдов, а то и больше мили. Еще пара моментов: если он стреляет на такое расстояние, ему нужна другая винтовка, получше. На тысяче ярдов у «дракона» с патроном семь шестьдесят два проседает баллистика. Сколько-то раз можно попасть, но промахов будет значительно больше, поэтому Джубе пришлось обновить железо.

Угрюмый старик шепнул что-то Коэну. Тот кивнул и повернулся к Свэггеру:

– В отличие от меня, наш директор – человек немногословный. Поэтому за него распинаюсь я. Он только что попросил подвести итоги. Итак, что вы можете сказать по поводу нынешней ситуации с учетом того, что разглядели на снимках? При каком сценарии из этой информации можно извлечь реальную пользу? Такой сценарий вообще существует?

– Конечно. Джуба пока не собирается уходить на покой. Я бы сказал, что он выбрал это место не без причины. Готовится к выполнению какого-то задания, причем весьма непростого: взгляните, сколько денег во все это вбухано. Прочесали всю страну, нашли идеальное место, приняли серьезные меры по обеспечению секретности. А мы наткнулись на него лишь потому, что миссис Макдауэлл...

– Да хранит ее Господь, – встрял Коэн.

– Послушайте, – продолжил Свэггер, – может, я слишком много на себя беру? В конце концов, это ваша страна. Но Джуба, очевидно, к чему-то готовится, и сейчас настал предпоследний, а то и заключительный этап тренировки. Значит, Джуба может исчезнуть в любой момент. Это не мое дело, но на вашем месте я завтра же отправил бы туда пару вертолетов с крутыми ребятами, чтобы те угондошили этого мерзавца. Во-первых, он заплатит за все те беды, что натворил. А во-вторых, и это главное, не натворит новых. Короче, завтра – это крайний срок.

– Но почему завтра, сержант Свэггер? – поинтересовался Коэн. – Мы что, похожи на волшебников? Не уверен, что мы сможем достать его завтра.

– В таком случае когда? – спросил Свэггер, и тут заговорил директор:

– Через два часа. Что скажете?

Глава 9

Окрестности Ирии, Южная Сирия

Он ненавидел и отца, и мать, и медресе с докучливыми учителями, ненавидел побои, наказания, оскотинивание, бесконечное и безнадежное отчаяние, ненавидел все, что было «раньше». Все, кроме пшеницы.

Он состоял из пшеницы, был рожден от нее.

Когда солнце скрылось за западными холмами, он был в нескольких сотнях метров от дома. Отзвучали молитвы, рабочий день подошел к концу, и теперь он сидел среди колосков. Тьма была красивая, глубокая; вокруг – тишина, в небе – множество звезд. Пшеница шуршала на ветру, словно нашептывала какие-то слова. Развернувшись, он взял в пригоршню несколько колосков и поднес их к глазам.

У них потрясающе сложная структура, такое чудо мог придумать один лишь Аллах. Чешуйки крохотные, совершенно одинаковые, и в каждом колоске зреет жизнь. Зерно превратится в муку, мука превратится в хлеб, хлеб насытит мусульманина и придаст ему сил.

Не будь пшеницы, не было бы его самого. Нужно было нагибаться за колосьями, и спина стала крепкой, нужно было искоренять сорняки, и ноги стали проворными, нужно было орудовать серпом, и руки стали безжалостными, нужно было молотить урожай, и координация движений стала идеальной. Позже появились механизмы, но в его времена всё делали вручную – ты находил правильный ритм, всегда направлял свой цеп туда, куда надо. Таким был его дар: он работал цепом быстрее и точнее всех в округе. Позже, на потеху братьям и односельчанам он стал показывать фокусы, и тоже получалось недурно: например, он выкладывал на стол три куриных яйца и разбивал их тремя меткими ударами цепа или подбрасывал яйца – одно, второе, третье – и не давал им упасть на землю, расшибал цепом прямо в воздухе, с правой руки, с левой, даже за спиной, и желток брызгал на окружающих, и все радостно смеялись. Да, он был одаренным парнишкой и с теплом вспоминал праздники урожая. Пожалуй, это были самые приятные моменты в его жизни.

Но потом, конечно же, наступили суровые времена. Что за война? Он не помнил, войн было слишком много, да и какая разница? Повсюду страх смерти от недоедания, матери укачивают голодных младенцев, а те никак не умолкают. Хотя воевали где-то далеко, власти забирали весь провиант для армейских нужд, а имамы требовали повиновения, ибо повиновение – залог выживания и грядущего господства. Легко сказать, да трудно сделать.

Вдобавок ко всему землю выжгла засуха, тяжелые черные тучи не проливались дождем, система ирригации была примитивной, воды катастрофически не хватало. Многие задавались вопросом, как Аллах мог отвернуться от Его послушных детей, но снайпер об этом не думал. Он возвращал свои страдания, наблюдая, как они распускаются цветком ненависти, и укреплялся в решении следовать по выбранному пути. «Если будет на то воля Аллаха, я выживу. Если будет повеление Аллаха, я стану сражаться и умру смертью мученика. Смилуйся, Аллах, не обрекай меня на крестьянскую смерть от голода в забытом Тобоем углу, что когда-то был великой империей, ведь это пустая, бессмысленная смерть, и какая от нее может быть польза?» Он знал, что такие мысли – это вероотступничество, но ничего не мог с собой поделать. Аллах непременно уготовил ему иное будущее, Он придаст снайперу сил, позволит ему вырасти и созреть, словно пшеничному колосу, а потом сделать то, что следует. А если нет, зачем Аллах даровал ему умение так ловко орудовать цепом?

Теперь же, много лет спустя, после великих подвигов во имя Аллаха, он старался все позабыть, ибо какая польза от этих воспоминаний?

Значение имеет только завтрашний день. Задание. Ты выжил во многих битвах, воин ислама, и завтра предстоит еще одна. Ты стал тем, кем ты стал, и тебе дозволено прожить свою жизнь не зря.

«Аллах акбар», – подумал он. Аллах велик.

И услышал шум вертолетов.

Глава 10

Причин отказать было множество, одна весомее другой. Все их терпеливо перечислили в «рейнджровере», мчавшемся сквозь ночной Тель-Авив в сторону аэродрома.

– Вы старик. У вас медленная реакция, слабое зрение, стальное бедро, способное подвести в любой момент. Ваша физподготовка не соответствует требованиям Тринадцатого отдела. Вы не знаете иврита и не поймете приказов. Или думаете, что в нынешних обстоятельствах к вам приставят переводчика? Это вряд ли, а даже если и так, перевод приказов на поле боя – дело крайне сомнительное. Далее матчасть. Вы совершенно не знакомы с нашим вооружением. Чтобы эффективно пользоваться им, нужны тысячи тренировок в обстановке, приближенной к боевой, и в полном соответствии с нашими правилами ведения боя. Ребята из Тринадцатого отдела прошли такое обучение, а вы – нет. Далее процедурный вопрос. Во время операции все члены опергруппы обязаны знать задачу как свои пять пальцев, действовать в соответствии с тактической раскладкой, учитывать намерения руководства. В случае импровизации они постараются не отклоняться от плана, а если и отклонятся, то при первой же возможности вернуться к нему. Плана вы не знаете. Далее личный состав. Все будут беспокоиться не за успех операции, а за жизнь высокого гостя. Незнакомец в отряде – это всегда лишние неудобства. Вешать на ребят еще одно ярмо попросту невежливо. Далее дипломатические нюансы. Вы – гражданин США. Правительство не давало вам разрешения участвовать в израильской спецоперации. Не знаю, как это выглядит с юридической стороны, но, если при выполнении боевой задачи погибнет американец, политические последствия будут тяжелыми. Многие в Америке относятся к Израилю с нескрываемым презрением и воспользуются этой трагедией, чтобы ухудшить отношения между нашими странами. Теории заговора расплодятся, словно микробы. Там, где необходима максимальная прозрачность, появятся новые барьеры. Далее журналисты. Газетные крысы начнут копать в обстоятельствах вашей смерти, выставят ваши секреты на всеобщее обозрение, не дадут прохода выжившим, прощупают оборону Тринадцатого отдела, пробьют ее и вытащат наши операции на свет, а это нам нужно меньше всего. Не могу даже представить, при каких обстоятельствах этот человек, – Гольд указал на директора, чопорно сидевшего рядом с ним, курившего сигарету и, очевидно, пропускавшего почти все мимо ушей, – даст свое согласие.

– Ну ладно, – сказал Свэггер. – Теперь послушайте меня. Если уж на то пошло, зрение у меня и правда ухудшилось: раньше я видел двенадцатую строчку, а теперь только десятую, как и все люди с абсолютно здоровыми глазами. Я езжу верхом по три часа в день. Видели когда-нибудь заплывших жиром ковбоев? Нет, не видели, потому что верховая езда нагружает все мышцы, как комплекс упражнений в спортзале. Тело остается сильным и гибким. Что касается оружия, это моя специализация. Я могу потягаться с любым стрелком на свете. Или одолею его, или сыграю вничью – погибну, но и противник не выживет. Процедурный вопрос? Я довольно долго был во Вьетнаме, в составе Группы исследований и наблюдений ЦРУ, а это, если вдруг не знаете, подразделение спецназа. Мы планировали спецоперации, воплощали их в жизнь и планировали новые. У меня это в крови. Отец воевал на пяти японских островах, а дед полтора года кошмарил фрицев во время первой большой войны. Пспрашивайте у немцев, они до сих пор помнят его имя. В тридцатых он работал на ФБР, решал проблему с грабителями банков, колесившими по провинциальным городкам. И как видите, решил, причем вполне успешно. Жаль, конечно, что вы не можете послать на задание отца и деда, зато у вас есть я. Что касается дипломатии, я подписал контракт. В глазах всего мира я всего лишь очередной наемник в поисках адреналина. Рядовое явление, такое встречается сто раз на дню.

Директор равнодушно смотрел на него. Похоже, эти речи не произвели на него особого впечатления.

– Но все это мелочи, – продолжил Свэггер. – Я могу остаться здесь, с моссадовскими раввинами, и свято уверовать, что все пойдет по плану. Кстати говоря, напомните, такое хоть раз бывало? Даже в Энтеббе – а это, на минуточку, лучшая спецоперация в мировой истории – ваш отряд потерял командира. Поэтому, если дело примет нехороший оборот – к примеру, у Джубы будет серьезная охрана или местное ополчение окажется расторопнее, чем надо, – вам понадобится лишняя пара глаз. Может, вы и возьмете Джубу, но это не факт, а если дело не выгорит, вам все равно нужно узнать о его планах. Для этого потребуется снайпер вроде меня, специалист по винтовкам. Я взгляну на его оружие, патроны, мишени, оптику, и мы сможем сделать кое-какие выводы, после чего займемся подготовкой или сразу выдвинемся наперехват, как вам угодно. Главное, что у нас будет шанс спасти людей. Поэтому я бы расставил приоритеты так: прищучить главного фигуранта, а если не получится, собрать разведанные и прикинуть, что он задумал. Иначе время и силы будут потрачены впустую, и это не фантазии, а суровая правда жизни. Я знаю эти штуки вдоль и поперек. Понимаете меня? – добавил он, глядя на директора.

– Думаю, понимает, – сказал Гершон. – Он окончил Гарвард.

Директор долго смотрел на Свэггера и наконец произнес:

– Операцией руководит лейтенант-командер Моттер. Решение за ним.

– Все будет хорошо. – Коэн улыбнулся Свэггеру. – Моттер тоже учился в Гарварде.

Моттер был лейтенант-командером, а не майором. Значит, Тринадцатый отдел – подразделение ВМС, что-то вроде американских «морских котиков». Обмундирование соответствующее: шлем похож на шляпку гриба, бронежилет увешан осколочными и светошумовыми гранатами, метательными ножами и прочими полезными штуками, на груди – «глок» в кобуре фирмы «Кидекс», раскрашенное лицо черно, как ночь. Так выглядит любой спецназовец: «морской котик», боец отряда «Дельта», рейнджер в секторе Пуэнт-дю-Ок, спартаец при Фермопилах, троянский всадник под командованием сержант-майора Одиссея. Времена меняются, но война – это всегда война. Моттер курил сигарету и спокойно выслушивал директора. Взгляд его был пустым, а отношение к миру – чем-то средним между невозмутимой готовностью к чему угодно и экзистенциальным осознанием тщетности всего сущего.

– Сержант Свэггер, – наконец сказал он, – я читал рапорты о столкновении снайперской группы «Ромео-два-браво» со Вторым батальоном Третьей ударной армии Северного Вьетнама в горах неподалеку от Нячанга. В семьдесят четвертом вы задали им перцу. Но тогда вам было двадцать шесть, а сейчас – семьдесят два.

– Чего я сейчас не могу, так это выиграть в «классики». В остальном оружие уравнивает меня с кем угодно.

– Честно говоря, вместо того чтобы брать вас на задание, я предпочел бы пропустить с вами по стаканчику, послушать ваши рассказы и узнать что-нибудь полезное. Пойду выясню, что скажут ребята. В бою мы друг за друга горой, но, вообще, у нас в отделе демократия.

Развернувшись, молодой человек отошел на площадку перед ангаром, где стояли десять или около того одинаковых парней в шлемах – все одной породы, псы войны. После недолгих перешептываний Моттер помахал Бобу и крикнул:

– Добро пожаловать, братишка!

Мужчины окружили его, принялись хлопать по спине, а один даже поцеловал Боба в щеку. Все называли свои имена, Свэггер кивал так, словно способен был их запомнить, и все повторял: «Боб, очень приятно, Боб». В Тринадцатом отделе, как и среди «морских котиков», друг к другу обращались только по имени.

– Собираться некогда, – сказал Моттер. – Вылетаем через три минуты. – Он повернулся. – Часовой, подойдите сюда, пожалуйста.

Свэггер не заметил, как взлетную площадку окружили сотрудники безопасности ВВС. Один из парней подбежал к Моттеру.

– У нас внезапное пополнение. Не успели выписать со склада «эм-четыре». Сержант... – Моттер пригляделся к именной бирке на кевларе часового, – сержант Маппа, ему нужны ваши боеприпасы, «узи» и бронежилет.

Эти слова прозвучали так увесисто, что сержант тут же выполнил приказ. Похоже, ему даже понравилось, что донельзя крутой Моттер обратил на него внимание. Часовой с улыбкой снял броню и протянул ее Бобу. Тот, сбросив спортивную куртку на бетон, надел бронежилет поверх рубашки поло – к счастью, черной, – защелкнул и подтянул ремни. «Кевлар» сел как влитой. Откуда взялся шлем, Боб так и не понял, но размер оказался более или менее подходящим: если застегнуть ремешок, с головы не свалится. Кто-то протянул Свэггеру шершавый кусок угля, и Боб принялся натирать им бледное лицо, пока не слился с ночью. Наконец он взял у сержанта старенький пистолет-пулемет. Боб никогда не держал в руках «узи», но легендарное оружие показалось ему таким знакомым, словно он стрелял из него всю жизнь. Короткий пистолет-пулемет со свободным затвором, сбалансированный по центру, с рукояткой под два спаренных магазина на двадцать пять девятимиллиметровых патронов и складным прикладом выглядел вполне надежно. В умелых руках такая штукавина способна принести немало пользы. Боб повесил ее на шею и положил ладонь на рукоятку, предусмотрительно убрав указательный палец от спускового крючка. Рукоятка была обмотана противоскользкой пленкой, чтобы в решающий момент оружие не выскочило из руки.

Маппа указал на горизонтальный рычажок над спусковой скобой угловатого малыша. Под рычажком была надпись на иврите.

– Три положения, – пояснил сержант. – Заднее – предохранитель, среднее – одиночные, переднее – тра-та-та!

Боб кивнул. Он знал, что по правилам патронник должен быть пустым, приводить оружие в боевую готовность разрешалось лишь после десантирования, во время продвижения к цели. Тогда и только тогда, перед самым началом пляски смерти, можно будет снять оружие с предохранителя. Министерству обороны Израиля совсем не нужно, чтобы кто-нибудь, выпрыгивая из вертушки, случайно открыл огонь по своим.

Загудели три вертолета. Несущие винты рассекали воздух, сперва медленно, набирая скорость, а потом все быстрее, так, что лопасти слились воедино. Парни разделились на группы – по шесть человек на каждый вертолет, включая командирский, где Свэггер был седьмым.

– За вас отвечаю лично я, – обронил Моттер, помогая ему забраться на борт.

– Понял, – кивнул Боб и взглянул на мессадовских мудрецов. Те флегматично наблюдали за ритуалом. Двое курили, один не курил. Все трое молчали.

– Ну что, полетели воевать, братишка, – сказал Моттер.

Три черные птицы мчались сквозь темноту, низко, чтобы их не засек радар. Бойцы хранили молчание. Все понимали, что в первую секунду после высадки дело может закончиться трагедией, а во вторую – непременно возникнут какие-нибудь сложности. Так бывает при любой спецоперации, и если ты не готов к подобному развитию событий, задумайся о переходе на другую работу. Поэтому кто-то курил, кто-то молился, думал о сексе или о том, побьют ли тель-авивские «Гардианз» иерусалимских «Бобкэтс», кто-то жалел, что так и не сказал отцу, как сильно его любит (или терпеть не может), кто-то переживал, что не велел подружке дожидаться его или, наоборот, жить своей жизнью. Короче говоря, у каждого было о чем поразмыслить.

Боб сидел впереди, зажатый между дверью и Моттером – тот расслабился, но глядел напряженно. Израильские пилоты были экипированы инфракрасными очками, и в темноте видели не хуже кошек. Значит, им не грозит влететь куда не надо – например, в телеграф-

ный столб. Во Вьетнаме таких штуковин не было, и много хороших парней зря расстались с жизнью. Птички летели на северо-северо-запад, пилоты знали маршрут наизусть, так же как рельеф местности и расположение зданий. Наконец они пересекли границу Южной Сирии, и стало совсем темно. Вертолет вибрировал. Боб хорошо помнил это ощущение. В конце концов, «Черный ястреб» – тот же «Хьюи», только на стероидах. За три командировки во Вьетнам Свэггер тысячу раз летал на вертолетах и был прекрасно знаком с гулом двигателей, «шух-шух-шух» несущего винта и запахом высокооктанового топлива. Внутри – здесь было попросторнее, чем в «Хьюи», но все равно этот боевой вертолет не предназначался для комфортабельных прогулок – стояла темень, если не считать огонька чьей-то сигареты.

Время то растягивалось, то сжималось, пока наконец не исчезло вовсе.

Замигал красный огонек.

Моттер – его звали Гади – сказал в ларингофон что-то на иврите, обращаясь к пилотам, после чего сел ровнее и отстегнул ремень безопасности. В темноте началась возня: остальные делали то же самое. Выбрасывали ненужные мысли из головы, тушили окурки, откашливались, прятали глаза под тактическими очками, проверяли «узи», ремни шлемов и бронежилетов, ножи и гранаты, «глоки» и аптечки первой помощи, выясняли отношения с Богом. Боб повторил эти телодвижения, после чего встал у двери боевого вертолета, готовый к высадке в незнакомом месте. Страха он не чувствовал.

План был настолько простым, что его, считай, не было вовсе. Птички садятся в трех точках, каждая в сотне ярдов от цели, и парни из Тринадцатого отдела стремительно продвигаются к месту. Классическое Г-образное расположение: два отряда идут впереди под разными углами, а третий подходит к дому сзади, чтобы блокировать пути отступления. Если кто-нибудь пустится бежать, его пристрелят. Если кто-нибудь поднимет руки, его поставят на колени, надедут на него гибкие наручники и продолжат операцию. Все три группы сойдутся через одну минуту, каждая будет продвигаться под прикрытием двух остальных. Группа командира вышибает дверь, первым входит сам Гади, за ним остальные, дом зачищают, Свэггера с собой не берут. Его задача – ждать у входа, пока не проверят все комнаты, а потом войти со второй группой, в то время как третья охраняет периметр, держа под прицелом дорогу на Ирию. До города семь километров, и там нет сирийских войск, только ополчение. Дело сделано, Джуба или мертв, или взят живьем, пленников грузят в вертолеты, потом домой, в Тель-Авив, где парни с утра пораньше садятся пить пиво и закусывать чизбургерами.

На бумаге все было гладко, но про овраги, разумеется, никто не вспомнил: караульный, подлец, караулил на совесть, и гостям не удалось застать его врасплох. Такое чувство, что он только их и ждал. Не успели птички коснуться земли, как из дома начали стрелять. Ночь озарилась вспышками, в воздух взметнулись облачка пыли, по фюзеляжу застучали пули. Значит, прогулки не будет. Будет пробежка под огнем.

Гади рванул вперед. Свэггер не отставал. Он не имел права снимать свой «узи» с предохранителя – не ровен час, споткнется, рефлекторно нажмет на спусковой крючок и пристрелит пару-тройку израильтян. По ним лупили из трех окон второго этажа, но стрелки не видели целей и вели огонь по всей площади, выдавая свое местоположение вспышками, а парни из Тринадцатого не упускали возможности ответить пулей-другой.

Да, война – это ад, но Свэггер, мать его за ногу и благослови Господь его душу, считал, что война – это еще и невероятно круто. Пули задорно свистят над головой, пронзают воздух, оставляя после себя полоску вакуума, жара, вспышки, шум, пыль, грязь, адреналин, давно забытые ощущения вмиг распускаются, словно прекрасная орхидея, а Свэггер ломится вперед и высматривает, кого бы пристрелить. Матерь Божья, как же офигенно!

Гади упал. Свэггер упал на него.

– С-сука, нога, – прошипел Гади.

Свэггер глянул ему на ногу и в очередной раз убедился, что Бог хранит храбрецов: пуля попала в левую икру, рана сквозная, вход и выход некрасивые, но кровь не хлещет.

- Жить будешь.
- Скажи им, чтоб не топтались на месте.
- Что сказать, какую фразу?
- Ну, это...

К ним подбежали двое мужчин, склонились над Гади, тот заговорил на иврите. Один из двоих, сержант, выпрямился и махнул рукой – мол, продолжаем. Теперь, когда Гади вышел из игры, Свэггер почувствовал, что никому ничего не должен, бросился к дому вместе с остальными, услышал чей-то крик – наверное, «Граната!» – и тут же упал ничком. Земля трижды содрогнулась, воздух наполнился осколками. Свэггера засыпало песком, но он остался цел. Плотность огня возросла, по земле зашлепали пули, прилетая куда попало – защитники дома по-прежнему падали наугад. Оказавшись у двери, Свэггер понял – эй, ку-ку, эврика! – что пора снимать «узи» с предохранителя. Дернул затвор, почувствовал, как тот встал на место, сдвинул рычажок вперед, до упора, переведя оружие в режим стрельбы очередями, и выдвинул приклад – эргономика сомнительная, но хотя бы есть что зажать под мышкой. Прodelав все эти манипуляции, он оценил обстановку. Рядом никого не было. Он потянулся за гранатой, вспомнил, что ему не выдали ни одной, и приготовился войти, пуская очереди, но тут из темноты выплыли двое спецназовцев, один – с осколочной гранатой в руке. Он кивнул Свэггеру, тот кивнул в ответ и отодвинулся в сторонку. Граната улетела за дверь и тут же превратилась в мощную волну чистой энергии.

Подождав пару секунд, чтобы ошметки комнаты осели, Боб первым вошел в кипящую атмосферу. Напротив него был дверной проем. Когда там замаячила человеческая фигура, Боб всадил в нее шесть «девяток». Автомат забился в руке, дуло выплюнуло шесть вспышек, шесть гильз отлетели вбок, и парень рухнул как подкошенный. За спиной зашумели: ребята отправились разбираться с сопротивлением на втором этаже, но Боб должен был осмотреть комнаты на предмет полезных зацепок.

Он метнулся к двери напротив, обнаружил, что стрелять больше не в кого, увидел еще одну дверь, распахнул ее ударом ноги и узрел мастерскую снайпера: на стенах – мишени, на полках – всякие нужные железки, на полу – тяжелый верстак для перезарядки патронов и дорновый пресс. На верстаке стоял разбитый ноутбук с экраном, похожим на ветровое стекло машины, в которой расстреляли Бонни и Клайда. Над верстаком склонился человек. В одной руке у него была трехлитровая пластиковая банка с наклейкой «Ходгдон Х1000» – бездымный порох для перезарядки патронов, воспламеняющийся с чрезвычайной легкостью. Банка была открыта. Человек лихорадочно чиркал зажигалкой.

Боб наставил на него «узи», положил палец на спусковой крючок, но стрелять не стал. Вместо этого крикнул:

- Нет! – и еще раз: – Нет!

За плечом у него появился боец спецназа. Он держал человека с порохом на мушке и тоже что-то кричал – к счастью, по-арабски.

Вспыхнул огонек зажигалки. Человек засмеялся. Зубы у него были белые-белые.

– Аллах ак... – выкрикнул он и уронил зажигалку в банку с порохом, наверное ожидая, что произойдет взрыв. Этого не случилось: бездымный порох горит с чудовищной быстротой, но не взрывается. Вместо взрыва произошла мгновенная трансформация вселенной, и фигура в ее центре превратилась в дьявольский факел самого Повелителя мух. Мифические фурии смертоносного огня заявили о своем присутствии за сотую долю наносекунды. Человек с зажигалкой облачился в пламя. Огонь окутал его, точно плащ, разобрал тело на атомы – все восемь фунтов «Х1000» вспыхнули разом. Человек не просто горел, он превратился в живой огонь,

но, находясь в сердце бушующего пламени, все еще был способен мыслить логически: развернувшись, он бросился в угол, к коллекции трехлитровых банок с порохом.

Вспыхнули еще десять inferнальных факелов, таких ярких, что больно было смотреть. Огонь объял всю комнату. Несколько секунд, и здесь ничего не останется, а еще через несколько секунд пламя охватит весь дом. Спецназовец схватил Боба за плечо, но тот вырвался и заорал по-английски:

– Нужно осмотреться!

Обычно люди не бросаются в огонь, но Боб сделал исключение из этого правила. Не обращая внимания на жар, от которого кожа пошла волдырями, он продвинулся на три-четыре фута, потом на пять-шесть, сдернул очки, чтобы получше все рассмотреть, и устремил взгляд на полки, прежде чем их поглотило пламя. Зеленые коробки с пулями «Сьерра», желтые с пулями «Бергер», желто-черные с пулями «Свифт» и еще какие-то. Дотянуться до полок он не мог, но, похоже, все это были пули под снайперский патрон 8,6 × 70.

Загорелись еще несколько банок с порохом, и дьявол опалил Свэггера своим дыханием. Боб заметил, что у него горит рукав, развернулся, хотел выйти из пламени, которое было теперь повсюду, но тут вспомнил про ноутбук, снова развернулся лицом к пеклу и, хотя каждая частичка кожи вопила от боли, выбросил руку вперед и схватил компьютер. Боб попятился, случайно вдохнул раскаленный воздух и, закашлявшись, потерял еще одну секунду. Отходя от приступа кашля, он поднял глаза и заметил у дальней стены стальной кейс для винтовки – здоровенный, дорогуший, бедняку такой не по карману. Кейс уже начинал коробиться от огня, но Боб успел заметить два-три изящно выгравированных инициала, каждый высотой дюймов в шесть – один вроде бы «А», а другой «У», – и тут их пожрало пламя.

Казалось, путь к выходу длился несколько часов. Наконец Боб вывалился за дверь. Комната перед ним была пуста, хотя в ней тоже занимался пожар. Свэггер выскочил из дома и почувствовал на лице свежесть чистого воздуха. Двое схватили его за плечи и отвели подальше от огня – туда, где собрались остальные.

– Мы уж думали, тебе конец, братишка! – крикнул Гади.

– Сам не знаю, как жив остался.

Измученный кислородным голоданием, Боб растянулся на земле, не переставая хватать ртом воздух, чтобы прийти в себя. Кто-то забрал у него ноутбук, кто-то еще снял с него «узи», а потом и бронежилет. В горло полилась прохладная вода, и Боб жадно проглотил ее. Все, наигрался – на сегодня, а то и на год вперед.

– Санитар! – позвал Гади. – Намажь его какой-нибудь мазью.

Его быстро привели в норму. Гади подал сигнал, отряд вернулся к зоне высадки, кто-то пустил красную ракету, и птички тут же ринулись вниз. В сознании Свэггера по-прежнему полыхал пожар, левое плечо и вся рука горели огнем, ночное зрение было испорчено – может быть, навсегда – из-за контакта с ослепительным пламенем, а мозги работали хуже обычного. Обернувшись, он увидел, что весь дом объят огнем. Ничего не осталось.

Потом он почувствовал, как ребята затаскивают его в вертолет и укладывают на пол. После короткой радиопереклички выяснилось, что внизу никого не забыли, и птички с ревом взмыли в воздух. Тринадцатый отдел отправился домой.

Глава 11

Южная Сирия, пшеничное поле

Джуба наблюдал за происходящим. Три «Черных ястреба», пилоты, разумеется, профессионалы высокого класса, потому что это израильтяне. Всё делают на совесть, не сдаются, не опускают руки, идеально рассчитывают время. При всей своей ненависти к этим исчадиям ада, да будут они обречены на вечные муки, Джуба вынужден был признать, что израильтяне – отличные вояки.

Вертолеты приземлились, выгрузили бойцов, взмыли в небо и скрылись из виду, разумеется зависнув над местом операции. Нападающие двигались стремительно; осталось узнать, как быстро отреагируют люди Джубы. Он знал, что исход сражения решается за долю секунды между действием и противодействием. Дом стерегли отборные ветераны специальных сил Республиканской гвардии, и они не подкачали.

Плотность огня стремительно возрастала, в ночи полыхали разрывы гранат. Даже с трех сотен ярдов было ясно, что стреляют преимущественно из автоматического оружия. Охранники не стали тратить время и разбираться, что стряслось. Вместо этого они сразу принялись поливать врага свинцом. Само собой, израильтяне одержат победу, на их стороне – фактор внезапности и численное превосходство. Вопрос только в том, какие данные им удастся собрать в результате рейда. Охрана знает свое дело: сдерживать нападающих, пока Адид не подожжет бездымный порох, чтобы уничтожить все улики.

Дело плохо. В доме раздался взрыв, значит израильтяне уже начали зачистку комнат. У Джубы было превосходное зрение, и он видел, как люди, пригнувшись, вбегают в дверь. За стенами началась стрельба.

«Адид, – думал он, – Адид, ты поклялся, что все сделаешь, и я на тебя положился». Но, может, Адид уже получил пулю в голову и его веры, рвения, ненависти к кафирам оказалось недостаточно, чтобы разыграть последний акт этой пьесы.

«Адид, молю Аллаха, чтобы жизнь твоя не пропала зря, прими мученическую смерть, ты стольким пожертвовал за все эти годы, ты...»

И тут загорелся порох. Адид! Мученик Адид исхитрился и сдержал свою клятву прямо под носом у атакующих. Ослепительно-белая вспышка в окне мастерской, молния Аллаха, через миг другая, еще более яркая, озверевшая от голода, – эта пронзила весь дом, он загорелся во многих местах и за несколько секунд был объят пламенем.

«Пора, – подумал он. – Может, меня высматривают в тепловизор и вот-вот накроют пулеметным огнем с воздуха. С них станется, евреи любят убивать издали, а не душить шарфом или закалывать кинжалом. Убожества, а не люди».

Развернувшись, он побежал по пшеничному полю.

Глава 12

Черный куб.

Несколько дней спустя

Он считал, что кресло-каталка – это уж слишком, но врачи настаивали, а с израильскими врачами попробуй поспорь, особенно в военном госпитале. Нянечка Шошана выкатила Боба из «скорой» и провезла через охрану, где его проверили ручным металлодетектором. Эти ребята не имели ни малейшего желания рисковать.

Он помылся и переоделся в чистое, но по-прежнему мучился от боли. Обожженную руку щедро покрыли слоем мази с каким-то антибиотиком, чтобы снизить вероятность инфекции. Ожоги второй степени, пересадка кожи не потребуется, само зарастет. На второй день он уже смог позвонить жене и сказал, что ничего страшного, так бывает, когда опалит фейерверком или пересидишь на пляже, только и всего. Судя по кислому голосу, жена не купилась, но тут уж ничего не поделаешь.

Как говорится, не было печали: его одели в хирургический костюм, побрили, постригли, причесали и вкатили в прежний конференц-зал, где собрались все те же раввиноподобные личности, немногословные люди дела. Как и в прошлый раз, парадом командовал Гершон Гольд. Директор сидел во главе стола с самой невозмутимой физиономией, а Коэн ломал комедию:

– Вот и наш герой, предположительно спятивший комендор-сержант Свэггер, Корпус морской пехоты США. Только что вернулся из рейда в преисподнюю. Как вам тамошняя погодка, сержант Свэггер?

– Влажность нормальная, – сказал Боб, – а вот жара мне не очень понравилась.

– Отлично, – кивнул Коэн. – Если есть силы шутить, значит готов к раввинскому консилиуму.

– Итак, – начал Гольд, – не вижу необходимости вдаваться в тактические нюансы, поскольку лейтенант-коммандер Моттер и остальные подробно отчитались перед нами и расхождений в их словах не замечено. Предлагаю выслушать мнение сержанта Свэггера относительно сложившейся ситуации. Думаю, в конце концов останется лишь один вопрос. Той ночью наши бойцы – включая вас, сэр, – уничтожили одиннадцать человек. С десяти удалось снять отпечатки, и ни один не совпал с отпечатком Джубы. Скажите, есть ли у вас причины полагать, что Джуба сгорел на ваших глазах? Как понимаете, с одиннадцатого трупа отпечатков снять не удалось.

Об этом Свэггер еще не думал. Через секунду он сообразил, что к чему.

– Никак нет. Кем бы ни был тот парень, он умер счастливейшим человеком на свете. Видели бы вы его физиономию. Когда зажигалка дала огонь, он понял, что победил. Сделал свое дело. Пожалуй, ему поручили уничтожить все улики. Еще он знал, что Джуба сумел уйти, и поэтому был рад предстать перед своим богом. Западные люди нечасто так ликуют. А потом он взял и сгорел. Последствий я оценить не могу, но кое-какие соображения имеются. Рассказать?

– Именно для этого мы вас и пригласили, сержант Свэггер.

– Да, не вопрос. Близко подойти не удалось, и записей я не делал – было жарковато, и авторучка бы расплавилась, – но кое-что приметил. Я не раз бывал в подобных помещениях.

Это мастерская серьезного стрелка, и он трудился над каким-то крупным проектом. Может, даже успел его закончить.

– И что это за проект?

– Он вычислял идеальный заряд.

– Вы говорите загадками, – заметил Гольд. – Нельзя ли подробнее? Представьте, что перед вами люди, не состоящие в Национальной стрелковой ассоциации.

– Запросто. Существует расхожее мнение, что у стрельбы две составляющие: берете патрон – это раз; вставляете его в винтовку – это два; потом жмете на спуск, и в нужном или ненужном месте образуется дырка.

– Предположу, что не все так просто.

– Ну да, чуть посложнее, – согласился Свэггер.

– Теперь начнете занудствовать? – спросил Коэн.

– Уж постараюсь, сэр, – ответил Боб. – Дело в том, что у всякого оружия – не у каждого типа, а у каждой отдельно взятой единицы – есть конструктивные особенности. Степень затяжки винтов, погрешности настройки станка, металл ствола, подгонка движущихся деталей и так далее и тому подобное. Здесь я могу уйти в настоящее занудство, мистер Коэн, но не стану.

– Вы очень гуманны, – сказал Коэн.

– Все эти мелочи влияют на точность выстрела, но в большинстве случаев не имеют значения. Как правило, стрелок хочет просто попасть в цель – в бумажку, зверя или человека. Но есть три занятия, требующие самого пристального внимания к этим мелочам: охота, пристрелочная стрельба и снайперское дело.

– Очаровательно, – скривился Коэн.

– Специалистам известно – смею напомнить, что поведение человека лучше всего изучено в той части, которая касается оружия и баллистики, – что эти мелочи оказывают огромное влияние на точность выстрела. Если мы говорим о винтовке, следует рассматривать ствол, нарезку, ход спускового крючка, особенности контакта ложи с казенной частью ствола и затворной коробкой. В зависимости от этих мелочей винтовки бывают умеренно точными, точными и суперточными. Вопросы будут? – Равнины слушали его с большим вниманием, но вопросов не задавали. – В еще большей степени все вышесказанное относится к боеприпасам. Поэтому многие снаряжают патроны самостоятельно, чтобы контролировать множество факторов. Берут использованную гильзу, чистят, придают ей нужную форму, меняют старый капсюль на новый, насыпают правильное количество пороха, ставят нужную пулю – калибр тот же, но производитель, форма, вес или материал будут другими, – после чего запрессовывают патрон. И всё тщательно записывают. Главное, задокументировать все этапы процесса. Затем делают несколько серий выстрелов, обычно по пять зарядов. Все пять пуль должны лечь в одно и то же место или совсем рядом друг с другом. Результаты стрельбы тоже идут под запись: количество выстрелов, начальная скорость, дульная энергия, реакция на ветер. Потом сравнивают с фабричным патроном, а чаще – с другими самоделками. Смотрят, как ведет себя новый боеприпас, хуже или лучше. Методом тыка выясняют, как раскрыть потенциал винтовки по максимуму. Это вроде музыки, когда композитор ищет нужный аккорд. Обычно один из зарядов оказывается идеальным: гильза такого-то производителя, такая-то последовательность снаряжения, такой-то вес пули, такая-то форма, такой-то порох, такое-то его количество, такая-то длина готового патрона, такая-то степень соосности и еще штук шесть факторов, которые выясняют опытным путем. Идеальный заряд – тот, который подходит для выполнения боевой задачи снайпера по точности, скорости и, пожалуй, уменьшению дульной вспышки. При прочих равных такой патрон намного лучше любого фабричного.

– И что, для таких забав существует целая промышленная отрасль? – поинтересовался Гольд.

– Ага. Химические компании производят десятки видов пороха с различной скоростью горения, кристаллами разной формы, всевозможными присадками. Изготовители оружейных принадлежностей продают измерительные приборы, весы для пороха, матрицы для перезарядки, капсулы, приспособления для их установки. Производители боеприпасов выпускают пули разного веса и формы, с различной внутренней структурой, головной частью и добавлением всевозможных композиционных материалов. Все для того, чтобы найти правильный аккорд и выстроить вокруг него свою гармонию.

– Прекрасно, – сказал Коэн. – Выходит, Джуба – Моцарт в мире снайперов. Ну а по делу вам есть что сказать?

– С учетом того, что у него в мастерской были многие фунты бездымного пороха различных видов, множество коробок с пулями, коробки с матрицами для переснаряжения патронов фирмы «Уилсон» и дорновый пресс для сборки патронов, могу сделать вывод, что Джуба методично искал идеальный заряд для очередного задания. То есть патрон, который будет гораздо эффективнее тех, что продают в магазине.

– Он готовится к чрезвычайно сложному и высокоточному выстрелу? – спросил Гольд.

– Сейчас начнется настоящее занудство, – предупредил Свэггер. – Вы так и не спросили про калибр. Я уверен, ну, или почти уверен – все-таки я побывал в аду, где сам дьявол пытался зажарить меня, словно зефирку, – что видел коробки с пулями диаметром триста тридцать восемь сотых дюйма. Отсюда вывод: Джуба трудился над патроном «Лапуа магнум» такого же калибра. Сейчас это самый популярный снайперский патрон в Афганистане. Там, как правило, стреляют на дальние расстояния. В две тысячи девятом году английский снайпер по имени Крэйг Харрисон сделал самый дальний выстрел в истории из задокументированных. Пользовался именно таким патроном. Снял пулеметчика-талиба с двадцати трех сотен ярдов, это полторы мили. Вот в чем особенность патрона «Лапуа»: им можно стрелять из соседнего часового пояса. Я бы сказал так: Джуба собирает «Лапуа магнум», чтобы уложить кого-то с огромного расстояния. Собирает методично, со знанием дела. Работает как положено. Да, он конечный джихадист, но еще и профессиональный стрелок, изобретательный и хладнокровный. Он не ищет легких путей и не собирается рисковать. Те, кто за ним стоит, уже потратили на этот проект немало денег, а кошельки у них, похоже, бездонные. Предположу, что Джуба раздобыл краденую или восстановленную «Экьюрэси интернэшнл магнум» со всеми причиндалами, лучшую в мире снайперскую винтовку. Все это нужно было где-то найти и тайком переправить в Сирию, так что здесь, похоже, не обошлось без разведуправления какой-то страны. В заключение скажу, что Джуба готовится убить очень важную персону.

– Это крайне прискорбно, – сказал Гольд.

– У нас, пожалуй, есть небольшая фора. Если мне не изменяет память, Джуба тренировался на дистанции чуть больше тысячи ярдов, где у «Лапуа» нет никаких преимуществ перед десятком других дальнобойных патронов. «Лапуа» придуман для очень дальних, по-настоящему дальних выстрелов, и если Джуба планирует стрелять на тысячу, незачем было так заморачиваться. Поэтому предположу, что он еще не закончил подготовку. Ему нужно найти полигон для проверки своего патрона в тех же условиях, в которых стрелял Харрисон, две тысячи ярдов или около того, и произвести сотню пробных выстрелов, а потом уже приступать к выполнению задания. Думаю, это дает нам немного времени. Он будет искать место с нужным расстоянием, климатом, розой ветров и погодными условиями – все должно быть так же, как в зоне выстрела. Но даже чтобы выйти на тысячу ярдов – напомним, нам неизвестно, насколько он продвинулся в своей подготовке, – ему понадобилось некоторое время. Если он планирует перейти на следующий уровень, если будет стрелять по цели с расстояния больше тысячи ярдов, ему опять придется пошаманить. Думаю, в Сирии он без проблем найдет открытое пространство в полторы-две тысячи ярдов.

– Да, но не забывайте про климат, – сказал Гольд. – Сирия – это пустыня, ничем не лучше Израиля. Низкая влажность, сильный ветер, перепады температуры. Что, если в Сирии ему нет смысла стрелять дальше, чем на тысячу ярдов? Предполагаю, теперь он отправится туда, где собирается поразить свою цель. Или в какое-то место с таким же климатом и схожими погодными условиями.

– Жалко, что мы не знаем, куда он сбежал, – посетовал Свэггер.

– Ну как же не знаем? – возразил Коэн. – Мы, моссадовцы, знаем все на свете. Такая у нас работа.

Глава 13

В бегах

Все будет хорошо. Связи, коды, логистика, расписание – все готово. Его не остановить, и все произойдет в полном соответствии с планом.

Фальшивые улики, многослойные загадки, ложные ниточки, обманные маневры, хитроумные ловушки – из самого изощренного оттоманского коварства соткан великий план с чудовищными последствиями. Падут целые города, неверные сгинут в пламени, могучие будут низвергнуты, повсюду воцарится смерть. Да, так и будет.

Теперь все зависит от одного выстрела. Без подготовки такой выстрел способны сделать лишь лучшие из лучших, ведь еще несколько лет назад подобная дистанция считалась невыполнимой. Может, его сумел бы сделать Харрисон, не зря же он прославился в Афганистане. А может, и не сумел бы.

Но даже этого мало, ибо Харрисон стрелял со своей территории. Ему не нужно было пробираться в логово врага. Возможно, перед выстрелом он выпил чашку вкусного чая, а после него вернулся в свою койку за колючей проволокой и мешками с песком. Что касается Джубы, то на него откроют охоту спецслужбы всего мира, он станет их мишенью номер один, поэтому жизненно важно сбежать, оставив после себя улики, указывающие на другого человека.

Но... что узнали евреи?

Как они его нашли?

Перехватили сообщение?

Где-то появилось слабое звено? Утечка?

Ему грозит опасность?

В любом случае напрашивается вывод: невидимые шупальца израильской разведки способны проникнуть куда угодно. Неудивительно, ведь это одна из лучших разведок в мире. Тогда почему за ним послали всего лишь три вертолета со спецназом и вся операция продлилась не больше семи минут? Почему не накрыли всю площадь высокоточными американскими ракетами? Даже если нужна была скрытность, могли бы отправить в пустыню роту лучших бойцов Тринадцатого отдела или не только ее. Разведка боем, сотня десантников с прицелами ночного видения, огневая поддержка с беспилотников, настоящее светопреставление. Но нет, операция была секретной, быстрой и безжалостной.

Допустим, все проще и рейд устроили, чтобы отомстить. После автобуса имя Джубы стояло на первом месте в мossaдовском списке тех, кто подлежал уничтожению. Стоит им узнать, где он находится, и они тут же нанесут удар. Это может случиться в любой точке мира. Быть может, разведка тут ни при чем и они действовали только из мести. Евреи никогда не перестанут его искать, от них никуда не денешься. В любой момент в дверь может постучать израильский солдат.

Джуба склонялся ко второму варианту как к наиболее простому и вероятному. Его операция была настолько секретной, что лишь несколько человек в мире знали о ее потенциальных последствиях. Еще меньше людей знали, в кого он будет стрелять, не говоря уже о том, где все произойдет.

А это значит, что преимущество по-прежнему на его стороне. Он может сбежать куда угодно. Не зная, где он находится, враги бессильны. Всемирная ориентировка на загадочного Джубу не принесет пользы – Запад ее проигнорирует, ведь тамошние спецслужбы в поте лица ставят на прослушку все мечети подряд, вычисляют сварливых стариков-имамов, велящих скудоумным прихожанам расстреливать гей-бары.

Джуба тем временем вышел на первого связного, и тот выдал ему пачку первоклассных документов, с которыми можно пересечь любую границу. Свою легенду Джуба знал вдоль и поперек. Путешествовать он будет под видом троих людей, каждый из которых никак не связан с остальными двумя. Не подкопаешься. Неудивительно, с учетом того, сколько денег ушло на эти документы.

Он сидел в номере дешевой стамбульской гостиницы, курил и ждал своего рейса. Сегодняшняя шлюха, симпатичная турчанка с черными глазами и красивыми ладонями, прекрасно знающая свое дело, пришлась ему по душе. Позже на это не будет времени, придется думать о безопасности, а женщины – это всегда рискованно. Но пока что можно предаваться плотским утехам, курить, молиться и медленно, но верно продвигаться к пункту назначения.

Интересно, что именно израильтяне сумели выяснить на той ферме. Судя по жаркой вспышке, Адид успел поджечь порох, и мастерская была стерта с лица земли. Но не стоит полагаться на случай. Вполне возможно, какой-нибудь еврей успел сунуть туда свой нос.

Итак, что он мог увидеть, этот сионист-спецназовец? А если увидел, что он мог понять? Пожалуй, ничего, – подумаешь, коробки с американскими пулями, мишени, банки с порохом, руководства по переснаряжению патронов. Стоп, нельзя полагаться на случай. Итак, он все увидел, отчитался перед начальством, моссадовские раввины изучили его рапорт и сделали соответствующие выводы. Но в доме не было ничего, что могло бы навести на мысли о предстоящем задании. О нем не знали даже охранники. Им было известно лишь одно: Джуба к чему-то готовится. Но он всегда к чему-то готовится, а к чему именно – большой секрет.

Волновал его лишь ноутбук. Не забыл ли Адид уничтожить его перед самосожжением? Джуба помнил, что ноутбук стоял на столе у него в комнате. Он много раз говорил Адиду о том, насколько важна эта вещь. Несомненно, даже в пылу сражения с израильским спецназом Адид захватил его с собой, когда бросился в мастерскую, к залежам пороха. Никакая электроника не способна пережить подобный пожар. Компьютер превратился в лужицу расплавленного металла с вкраплениями пластмассы.

«Мне ничего не грозит», – решил Джуба.

Если у них нет ноутбука, они ничего не узнают.

Глава 14

Черный куб

– Какой такой ноутбук? – удивился Свэггер.

– Да он придушивается, – сказал Коэн. – Вот погодите, Спилберг снимет про нас кино, а это будет комическая сцена.

– Что за ноутбук-то? – повторил Свэггер.

– Сержант Свэггер, – сказал директор, впервые обращаясь к нему без посредников, – вы были столь любезны, что ринулись в ад и вышли из него не с пустыми руками. Будь у нас время, я бы наградил вас медалью. Но сейчас вы поймете, что времени у нас нет.

Директор взял с пола портфель, открыл его и достал целлофановый пакет с почерневшим и покоробленным ноутбуком. Экран прострелили, и из-за трещинок вокруг пулевых отверстий стекло было похоже на спиральную туманность. Клавиатура пошла волной, почти все кнопки превратились в бесформенные наросты.

– Что, забыли? – спросил Коэн. – Повсюду огонь, у вас горит рукав, автомат раскалился так, что жжет ладонь. Вы схватили компьютер с верстака, а потом загорелась еще одна банка с порохом, после чего вспыхнули все остальные. Наверное, Господь любит слабоумных – вы, непонятно как, выбрались из дома с ноутбуком в руках и грохнулись в обморок.

– Не грохнулся я ни в какой обморок, – возразил Боб. – Но рассказчик из вас неплохой. Кстати говоря, я видел там кейс для винтовки с инициалами «А» и «У». Третья буква уже прогорела.

– Что, память возвращается?

– Лучше всего я запомнил, что огонь больно жжется и что такой смерти врагу не пожелаешь.

– Вижу, вы неплохо усвоили этот урок, – сказал Коэн.

– Коэн немного разбирается в предмете, – добавил Гольд. – Его сбивали четыре раза.

В подтверждение этих слов Коэн поднял левую руку – из пластмассы.

– Ну ладно, – сказал Боб. – Читайте, что произвели на меня впечатление.

– А сам он сбил пятнадцать самолетов, так что счет в нашу пользу. На одиннадцать очков больше.

– Ас из асов, – кивнул Свэггер. – Теперь я впечатлен еще сильнее.

– Даже странно, что он у нас такой вредина, – заключил Гольд.

Боб снова кивнул и сказал:

– На вид этой штуковине крепко досталось.

– В «Моссаде» умеют воскрешать компьютеры, – объяснил Гольд, – да и в целом эта отрасль криминалистики шагнула далеко вперед.

– Что выяснили?

– Жесткий диск оказался почти бесполезным, но обнаружился неповрежденный заголовок сектора. Наши люди сумели выцарапать из него кое-какую информацию – это называется сборкой файла из отдельных фрагментов, – в том числе айпи-адреса, записанные в секторе данных. Сам сектор исчез, данные, разумеется, тоже, но адреса интернет-протокола сохранились. Их выдал сервер в Маниле, это столица Филиппин. Мы только что взломали его, посмотрели, откуда взялись адреса, и узнали, что многие из них изначально были получены в Дирборне, штат Мичиган.

В зале стало тихо. Наконец заговорил директор:

– Поэтому, сержант Свэггер, через час вы с мистером Гольдом вылетаете в Вашингтон. ФБР разделяет нашу озабоченность. Улики неопровержимы. Джуба, известный как Багдадский снайпер, направляется в Америку, чтобы застрелить там какого-то важного человека, причем с дальнего расстояния. Не исключено, что это случится в ближайшем будущем.

Часть вторая

Глава 15

Рабочая группа «Марджори Доу»

– Дирборн – та еще дыра, – заявил специальный агент Рональд Хьюстон, начальник детройтского отделения ФБР. – Все всех знают, все со всеми общаются, все ко всем прислушиваются. Радикалов не много, но они действуют с молчаливого одобрения местных, а в особых случаях – при их активной поддержке. Арабы, уж простите за стереотип, – непостоянные люди, обидчивые, многословные, уже тысячу лет воспитываются в культуре базарной торговли. Вечно торгуются, просто из любви к процессу, охотно сутяжничают, тонко чувствуют политические веяния, не упускают собственной выгоды, знают, кого поддержать на выборах, так что местная судебная власть, считайте, не власть, а одно название. Получить ордер на прослушку очень непросто, а если все же выпишут, пленки сначала дадут тем, кого ты прослушивал, и только потом – тебе. Ордер на обыск получить еще сложнее, а вломиться в помещение силой, то есть провести облаву, по закону почти невозможно. В Дирборне нельзя явиться к кому-нибудь посреди ночи и выломать дверь. Короче, ни прослушки, ни рейдов. Наружное наблюдение пока не возбраняется, но местные так тесно связаны между собой, что стоит фургону появиться на улице, стоит опергруппе войти в дом или уличный магазинчик, и местные сразу делают стойку. Вдобавок, если надумаете проявлять инициативу, сперва семь раз отмерьте. Иначе вас засудят, а истцы будут распинаться по всем каналам, что их ущемляют и предубеждения против мусульман цветут буйным цветом. К этому хору присоединятся ученые из Мичиганского университета, на улицы выйдут сотни протестующих с плакатами «Геноцид не пройдет», вы оглянуться не успеете, как окажетесь в Теннесси и до конца жизни будете преподавать в колледже. В общем, остаются только стукачи. Обратите внимание, я не говорю «наши стукачи»: у нас их, конечно, множество, но мы и сами толком не знаем, на кого они работают. Эти парни – мастера сидеть на двух стульях, запросто переобуются в прыжке, да не один раз, а дважды. Можно ли им доверять? Затрудняюсь ответить. Внедрение? И думать забудьте, чужого они раскусят на раз-два. Они же знают своих как облупленных, принюхались за последнюю тысячу лет. И не важно, откуда они – из Ливана, Сирии, Ирака, Иордании, Палестины, Египта или откуда-то еще. Сунниты, шииты – без разницы. Против внешней угрозы, то есть против нас, они всегда действуют заодно. Такова реальная политика, джентльмены, а в нашей ситуации надо трезво смотреть на вещи. Вы имеете дело с арабами. Этой нации тринадцать сотен лет, и двенадцать из них арабы воюют с внешним врагом. Они знают, как все устроено, потому что сами все устроили.

– Спасибо, Рон, – сказал Ник Мемфис. – Теперь мы, по крайней мере, в курсе здешней обстановки. Мистер Гольд, мне кажется, что ситуация весьма похожа на проблемы Тель-Авива в городе Газа. Вы имеете опыт в таких делах. Не могли бы поделиться своими соображениями?

Поговорить можно было и в офисе детройтского отделения ФБР (вряд ли туда внедрились нежелательные лица), но Гольд с начальником отделения решили, что лучше не рисковать, и провели встречу в конференц-зале библиотеки Анн-Арбор, городка в сорока милях к северо-западу от Дирборна. Сперва приехал начальник (в личном автомобиле), а через несколько часов – его помощник. Наконец в зале собралась вся рабочая группа «Марджори Доу», состо-

явшая из сотрудников ФБР и «Моссада»: федералы, Ник Мемфис, Гершон Гольд и консультант Боб Ли Свэггер.

Последние два дня были крайне насыщенными, одна встреча за другой, но подобные дела не делаются без людей в костюмах, принимающих решения в кабинетах без окон под лампами дневного света. Главное решение, однако, было уже принято: задачу группы «Марджори Доу» объявили приоритетной. Ник – он был на пенсии, но его все равно подключили к делу, ибо Свэггер ему доверял, – отчитывался непосредственно перед Уордом Тейлором, заместителем директора ФБР и начальником контртеррористического отдела, а копии его донесений шли на стол самому шефу. Бюджет? Если задачу объявили приоритетной, понятия «бюджет» не существует. Однако группа была автономной и работала отдельно от контртеррористического отдела: чем меньше сотрудников в теме, тем больше шансов, что операция пройдет в обстановке строгой секретности, и дело не в том, что в отделе завелись шпионы. В контртеррористическом отделе работало слишком много народу, всех не проконтролируешь, частички информации вылетали наружу, и внимательный наблюдатель всегда мог сложить из них кое-что ценное.

– Очень похоже на Газу, – кивнул Гольд. – Насчет внедрения я полностью согласен. В Газе у нас ничего не получилось. Почти все попытки закончились гибелью сотрудников. Я бы предложил вести наблюдение с воздуха и собрать отдельную группу для изучения фотографий, но для запуска дронов нужно уведомить местные власти, и о нашей затее быстро узнают те, кто не должен о ней знать. Пожалуй, из всех средств наблюдения нам доступны лишь собственные глаза, и тут я снова соглашусь с агентом Хьюстоном. Чем больше глаз, тем лучше. И в то же время хуже, ведь чем больше глаз, тем выше риск утечки. Поэтому я бы ограничился людьми, присутствующими в этом зале. Нам понадобятся разнообразные транспортные средства: почтовые грузовики, фургоны Единой службы доставки посылок, телемастеров и телефонных компаний. Будем часами ездить по городу и высматривать аномалии, причем в произвольные интервалы времени.

– Как бы вы расставили приоритеты? – спросил Ник.

– Агент Хьюстон, несомненно, знает, в каких мечетях проповедуют радикально настроенные имамы. Я бы обратил внимание на вторую половину списка. Противник, кем бы он ни был, вложил в операцию много сил и средств, поэтому есть догадка, что Джуба обосновался в самой, так сказать, белой и пушистой мечети.

– А вы уверены, что он в мечети? – спросил Свэггер. – Лично я, как снайпер, выбрал бы укрытие получше и уж точно не такое очевидное.

– Очень правильное замечание, и здесь я должен рассказать об ахиллесовой пяте арабского братства. По сути, это теократия, во главе которой стоят муллы и имамы, а им нужен контроль над остальными братьями. По нашим данным, штаб любой операции всегда расположен рядом с какой-нибудь мечетью. Руководители предпочитают выбирать боевиков из ближнего круга. Подключают к делу людей, которых знают лично. Выходцев из семей, с которыми хорошо знакомы. Более того, мы выяснили, что операциями, как правило, руководят непосредственно из мечети. Если боевикам что-нибудь понадобится – что угодно, например продукты питания, – их привезут из мечети. Хотя замечу, что в Дирборне заказать пиццу гораздо проще, чем в Газе.

– Будь у нас время, открыли бы пиццерию, – заметил Ник, – и смогли бы войти во многие двери. Но времени у нас нет.

– Контртеррористический отдел может выделить трех-четырёх незасвеченных агентов, – сказал Рон Хьюстон, – для помощи с наружкой. Незасвеченных в том смысле, что они пришли совсем недавно и пока что не имели дела с клиентами из Дирборна. Они помогут закрыть слепые зоны. Вот как я это вижу: пять мечетей, мимо каждой ежечасно проезжает наш человек. Машины регулярно меняют. Плюс пешеходы: прогуливаются по улицам с самым беспеч-

ным видом и примечают то, что могло ускользнуть от сотрудника в автомобиле. Стандартный способ противодействия организованной преступности. Никаких остановок, осмотр только на ходу. Эту схему мы долго и старательно оттачивали на торговцах наркотиками, получается неплохо. Могу достать почтовый грузовик и машину курьерской доставки. У полиции Детройта есть фургон водопроводчика. Я там кое-кого знаю и смогу одолжить его в неофициальном порядке, не привлекая лишнего внимания.

– Всегда полезно определиться, – сказал Гольд, – какие особенности поведения требуют наиболее пристального внимания. Хотелось бы, чтобы у всех нас, а также у новых сотрудников был такой список. Гораздо проще что-то заметить, если знаешь, что искать. Если же просто посмотреть по сторонам, шансы на успех невелики.

– И что представляет для нас интерес? – спросил Хьюстон.

– Группы неизвестных, входящие в мечеть или выходящие из нее. Запертые двери, которые раньше были открыты. Повышенная активность охраны. Любые средства противодействия наружному наблюдению. Люди, выходящие из мечети с сумками или пакетами продуктов.

– И еще, – добавил Свэггер. – Не забывайте, что наш Джуба – не гражданин мира. Он должен акклиматизироваться, привыкнуть к Америке, ему придется походить по городу в компании других ребят. Его сводят в разные места, расскажут про общественный транспорт, такси, «Убер», научат перемещаться по стране, и только после этого он выдвинется к цели.

– Это хорошо, – сказал Ник.

– У Свэггера талант к подобным играм, – согласился Гольд.

– Кстати! – Свэггер взглянул на Хьюстона. – Говорите, внедриться к ним невозможно?

А я знаю подходящего агента.

Все в зале изумленно уставились на него.

– Этот человек знает, как у них все устроено, потому что вращался в подобных кругах. У этого человека есть нужный гардероб. Этот человек знает их язык, молитвы, культуру, литературу, не раз бывал в мечети и уже внедрялся в арабское братство. Это отважный человек с серьезной мотивацией, умеющий вести себя тише мыши.

– Сержант Свэггер, – перебил его Гольд, – вряд ли она...

– Поверьте, уговоривать ее не придется. Они убили ее сына.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.